

Oekrahylpers

Een plek om te schuilen

December 2022

Tekst

Jantien de Boer, André Horjus,
Ariëlla Kornmehl, Zhanna Kravchenko

Oekraïense vertaling

Iryna Lytvenjuk

Beeld

Wilt Kelderhuis, Miriam van der Meer, Piet Sprik,
Maryna Trofusha, Catrinus van der Veen

Vormgeving

Jeroen Wiersma

Samenstelling

Miriam van der Meer

Druk

Van der Eems

Uitgever

Slot Hylpen
Nieuwe Weide 1
8713 JD Hindeloopen

info@slothylden.nl
06 41 775 727

грудень 2022 року

Текст

Жантьєн де Бур, Андре Хорюс, Арієлла Корнмел,
Жанна Кравченко

Український переклад

Ірина Литвєнюк

Зображення

Вілт Кельдерхуїс, Міріам ван дер Меєр, Піт Шпрік,
Марина Трофуша, Катрінус ван дер Веєн

Дизайн

Йєрун Вірсма

Компіляція

Міріам ван дер Меєр

Друк

Ван дер Емс

Видавець

Замок Хюльпен
Новий Луг 1
8713 JD Hindeloopen

info@slothylden.nl
06 41 775 727

Colofon — Колофон

Een plek om te schuilen

In hotel De Stadsboerderij in Hindeloopen hebben tientallen gevluchte Oekraïners een tijdelijk onderkomen gevonden. Met hulp van veel vrijwilligers proberen ze er het beste van te maken. In de Leeuwarder Courant verscheen een serie van twaalf artikelen van de hand van journalisten Jantien de Boer en André Horjus met foto's van Catrinus van der Veen. In dit bewaarmagazine vindt u deze interviews aangevuld met extra foto's en een interview met Jan-Willem Scheijgrond van de Oekraïne Run.

Місце, де можна сховатися

У готелі *De Stadsboerderij* м.Хінделоопен знайшли тимчасовий притулок десятки українських біженців. За допомогою багатьох волонтерів вони намагаються зробити все можливе. Газета *Leeuwarder Courant* опублікувала серію з 12 статей журналістів Янт'єна де Бур та Андре Хорюса з фотографіями Катрінуса ван дер Веєна. У цьому журналі ви знайдете ці інтерв'ю, доповнені додатковими фотографіями та інтерв'ю з Яном-Віллемом Шейгрондом, організатором *Oekraïne Run*.

LEEWARDER COURANT

26 juli 2022, pag. 18

Een plek om te schuilen

Een plek om te schuilen, dat stond boven een artikel in de LC (18 juli). Het ging over een aantal vluchtelingen uit Oekraïne die liefdevol in het kleine stadje Hindeloopen aan het IJsselmeer waren opgevangen.

Het deed mij denken aan vroeger. In de oorlog werd mijn vader met zijn gezin liefdevol opgevangen door mijn grootouders die in Hindeloopen woonden. Dat was nodig omdat mijn vader moest onderduiken voor de bezetter die hem te werk wilden stellen in Duitsland.

Zhanna, een van de vluchtelingen, schrijft over haar verblijf in Hindeloopen. Zij was in Oekraïne schrijver en dichter. Na het uitbreken van de oorlog is zij na vijf dagen in Hindeloopen aangekomen. Haar man en zoon waren in Oekraïne achtergebleven.

Nederlanders en Oekraïners zijn door het lot samengebracht in

Hindeloopen. FOTO NIELS DE VRIES

Hindeloopen. Een stad vol tradities met een eigen taal en in het museum zijn de klederdrachten van vroeger te bewonderen.

Zhanna vertelde dat de gezamenlijke liefde voor vrijheid veerkracht geeft. Ze zag hoe bange meisjes en vrouwen sterker werden. Iedereen

hielp elkaar. Victoria trainde iedereen die wilde sporten, Alice bakte taarten en Ira werd oma voor alle kinderen.

Hoe herkenbaar was dit toen wij de Tweede Wereldoorlog meemaakten en ook liefdevol werden opgevangen. We leerden op school van de kinderen de Hindelooper taal en bij gebrek aan schrijfpapier werden de leities tevoorschijn geroepen. Met een griffel moest worden geschreven op de lei.

Op het IJsselmeer werd door een enkele vissersboot nog gevestigd en grootvader zorgde ervoor dat er zo nu en dan een dikke snoekbaars op het menu stond.

Ik vroeg mij af: is er veel veranderd tussen vroeger en nu. Nog altijd zijn de Hindeloopers vredelievend en behulpzaam. Een geweldige plek om te schuilen.

Marten de Rapper. Sneek

‘Als ik nu door mijn foto's blader, is het alsof ik naar een ander leven kijk’

Ze staat met één been in Hindeloopen en één been in Oekraïne. En vaak voelt het alsof haar hoofd te klein is voor alles. Alsof ze nergens is. Maryna Trofusha (35) zit in het gras op de dijk bij het IJsselmeer. De zon schijnt en de kerktoren van Hindeloopen steekt als een zoet banketbakkerstorentje strak af tegen de blauwe lucht.

Een paar weken terug nog woonde ze in Charkov, de tweede stad van Oekraïne die voordat de oorlog uitbrak haast anderhalf miljoen inwoners telde. Ze zoekt in haar telefoon en laat een foto van thuis zien.

Dansend in de sneeuw

Stralend, in identieke kerstpyjama's poseren haar man, zoon Timur (10), dochter Vira (4) en zichzelf voor een versierde kerstboom. Dat was vier maanden geleden.

Kijk. Zittend op de dijk buigt ze zich over een filmpje van een picknick-feest met vriendinnen in een sprookjesachtig park in Charkov. Ze bouwden een tafel van sneeuw, dronken wijn, staken kaarsjes aan, lachten, dansten, kletsten en monteerden later muziek onder de beelden. Cold cold heart, zingen Elton John en Dua Lipa.

Ja, dat is zij, knikt Maryna. Dansend in de sneeuw in een lange witte jas. En kijk, dit is haar kat Bonya, die nu bij haar schoonouders woont.

Hoe prop je twee werelden in een hoofd zonder dat het barst?

Genieten van kleine dingen

Nadat ze in Hindeloopen aankwam, duurde het een tijd voor ze zichzelf toestond om van kleine, mooie dingen te genieten. Van de schittering van het zonlicht op het IJsselmeerwater. Of van de zeilen aan de horizon. "Nu snap ik dat die schoonheid me kalmeert." En dat ze het zich niet kan veroorloven om de hele dag te huilen. "Ik heb kracht nodig voor mijn kinderen."

Op de dijk maakt ze foto's van de ondergaande zon die ze vervolgens naar haar man in Oekraïne stuurt. En dan maakt hij er ook eentje, van een zonsopgang in de bergen.

Hun eerste ontmoeting? "O, dat is een heel verhaal." Op een feest vroeg hij of ze wilde dansen. Later wisselden ze telefoonnummers uit, maar toen haar mobieltje vlak daarna werd gestolen kon hij haar niet meer bereiken en was zij zijn nummer kwijt.

Hij woonde ver weg, wist ze, helemaal aan de andere kant van de stad. Twee jaar later pas zagen ze elkaar bij toeval terug. "Toen beloofde hij zichzelf dat hij me niet meer zou verliezen."

Een rondje om de stad

Surfers scheren over het water, motoren ronken over het weggetje langs de dijk.

Ze heeft iedere dag contact met haar man in West-Oekraïne en met haar schoonouders die in Charkov achterbleven. In de straten van haar stad wordt vermoord, hoort ze. Het kwaad is niet te bevatten. "Als ik nu door mijn foto's blader is het alsof ik naar een ander leven kijk. En ik zie ook hoe gelukkig we waren."

Toen ze vertrokken, vertelden Maryna en haar man aan de kinderen dat ze op reis gingen. Vira en Timur vonden het gek en spannend tegelijk, maar ze passen zich aan.

Ze leren zwemmen en gaan al naar school. En nu rent Maryna iedere ochtend, samen met haar zus die ook in Friesland schuilt, om haar nieuwe stad heen. Een rondje duurt twintig minuten. Zo klein is alles. "Maar ik zou nergens anders willen zijn."

‘Toen beloofde hij zichzelf dat hij me niet meer zou verliezen.’

"Коли я зараз переглядаю свої фотографії, я ніби дивлюся на інше життя"

Вона стоїть однією ногою в Хінделупені, а іншою - в Україні. І часто здається, що її голова замала для всього. Ніби її ніде немає. Марина Трофуша (35 років) сидить у траві на дамбі біля Ейсселмера. Сяє сонце, і вежа церкви в Гінделоопені щільно виділяється на тлі блакитного неба, наче солодкий осетр у кондитера.

Ще кілька тижнів тому вона жила в Харкові, другому за величиною місті України, з населенням майже півтора мільйона до початку війни. Вона шукає в телефоні і показує фото з дому.

Танці на снігу

Променисті, в однакових новорічних піжамах, чоловік, син Тимур (10 років), донька Віра (4 роки) та вона сама перед прикрашеною ялинкою. Це було чотири місяці тому.

Дивись. сидячи на набережній, вона схилилася над відеозаписом пікніка з друзями в казковому парку в Харкові. Вони спорудили зі снігу стіл, пили вино, запалювали свічки, сміялися, танцювали, спілкувалися, а згодом змонтували музику під відзнятий матеріал. Холодне холодне серце, співають Елтон Джон і Дуа Ліпа.

Так, це вона, - киває Марина. Танцює на снігу в довгій білій шубі. А подивіться, це її кішка Боня, яка зараз живе у свекрухи.

Як втиснути два світи в одну голову, щоб вона не луснула?

Насолоджуватися дрібницями

Після того, як вона приїхала до Хінделупена, пройшов деякий час, перш ніж вона дозволила собі насолоджуватися маленькими, прекрасними речами. Від відблисків сонячного світла на воді Ейсселмеру. Або про вітрила на горизонті. "Тепер я розумію, що ця краса мене заспокоює", - каже вона. І що вона не може дозволити собі плакати цілими днями. "Мені потрібні сили для моїх дітей".

На дамбі вона робить фотографії призахідного сонця, які потім надсилає чоловікові в Україну. А потім ще й захід сонця в горах.

Їх перша зустріч? "О, це ціла історія". На вечірці він запитав, чи не хоче вона потанцювати. Пізніше вони обмінялися номерами телефонів, але коли незабаром у неї вкрали мобільний телефон, він більше не міг до неї додзвонитися, а вона втратила його номер.

Вона знала, що він живе далеко, на іншому кінці міста. Лише через два роки вони випадково побачилися знову. "Тоді він пообіцяв собі, що більше мене не втратить", - розповіла вона.

Експерсія містом

Над водою пропливають серфери, по маленькій дорозі вздовж набережної гуркочуть мотоцикли.

Вона щодня підтримує зв'язок з чоловіком на Західній Україні та зі свекрами, які залишилися в Харкові. На вулицях її міста, як вона чує, відбуваються вбивства. Зло незбагненне. "Коли я зараз переглядаю свої фотографії, я ніби дивлюся на інше життя. І я також бачу, наскільки ми були щасливі".

Коли вони йшли, Марина з чоловіком сказали дітям, що їдуть у подорож. Вірі та Тимуру це здалося божевільним і захоплюючим водночас, але вони адаптуються.

Вони вчаться плавати і вже ходять до школи. І тепер Марина щоранку бігає по новому місту разом з сестрою, яка також переховується у Фрисландії. Коло займає двадцять хвилин. Ось наскільки все маленьке. "Але я не хотіла би бути ніде в іншому місці".

"Тоді він пообіцяв собі, що більше мене не втратить"

"Музика - це моє життя, я не можу без неї жити"

Рузанна Подольська (58 років) сидить на краєчку свого солом'яного стільця в Гроте Керк. Не в силах всидіти на місці, вона погойдується під хвилеподібні звуки українського тріо, яке тут виступає. Про Рузанну розповідають, що вона втекла з рідного міста Харкова з двома валізами: маленькою, наповненою одягом, і великою, переповненою нотами.

У Хінделоопені сьогодні "День знайомств". Разом з близько двома сотнями інших відвідувачів - гінделупців та українців - Рузанна насолоджується класичними шедеврами, включеними до програми. Мріяти під звуки "Лібертанго" Астора П'яццолли. Або пустити сльозу при перших нотах "Аве Марії" Йоганна Себастьяна Баха та Шарля Гуно. На деякий час війни не буде.

Лелека

Троє українських музикантів - піаністка Анна Гекстра-Кравченко, віолончелістка Олександра Острих та співачка Надія Супрунович - також виконують деякі менш відомі українські твори. Кирилина пісня, наприклад, про лелеку, який завжди повертається до свого старого гнізда.

Потім Рузанна виходить вперед і читає вірш Ірини Самаріної. Про зорі теплим літнім вечором і ангела, що підморгує з небес.

Вісвейвенкор

Внесок Хінделоопер надали компанії Viswijvenkoor Grietje Sprot та Zeemanskoor Auke Wybesz. Учасники колективу натхненно співають різноманітні життєві пісні під акомпанемент акордеонів. Іноді зал підспівує. "Це правда, та історія з валізами", - каже Рузанна після концерту. Вона згадує, що чоловік був дуже здивований її вибором нот. Вдома вона ще вмiла грати на піаніно, але не мала жодного уявлення, чи буде у неї інструмент у невідомому на той час місці призначення. "Музика - це моє життя", - пояснювала вона своєму чоловікові. "Я не можу залишити ці музичні твори. Це розбило б мені серце".

В генах

Те ж саме можна сказати і про 34-річну піаністку Анну Кравченко, яка в ці дні також часто працює перекладачем-волонтером. Вона вийшла заміж за голландського моряка і переїхала з Полтави до Леувардена заради нього у 2019

році. Дві жінки сідають на лавку перед залитим сонцем рибальським будиночком на річці Туйнен. "Музика у нас просто в генах, - каже Анна. "Ми не можемо без цього жити".

"Музика у нас просто в генах"

Один з волонтерів придбав для Рузанни електропіаніно. "Щоб трохи підняти їй настрій", - продовжує перекладач. "І створити спокій в її голові. Музика допомагає". Харків лежить в руїнах від російських бомбардувань, але Рузанна знає, що її будинок все ще стоїть. Вона живе у повній

Рузанна Подольська втекла з України до Хінделоопена з великою валізою нот

впевненості, що Україна пере-
може. "Ми молимося, щоб Росіяни
не все знищили".

Казка

Хоча Рузанна дуже любить
Хінделупен - "це схоже на казку,
ніби я в раю" - вона сподівається,
що незабаром повернется до
чоловіка. Оскільки йому 65 з
гаком, він теж міг би виїхати з

країни, але не захотів. "Я хочу захи-
стити свою країну", - сказав він.

Його дружині не залишається
нічого, окрім терпіння. При
цьому, коли їй заманеться, вона
може насолоджуватися найро-
мантичнішими звуками у своїй
спальні. Її улюблений композитор?
"Фредерік Шопен!" Він теж колись
тікав від насильства війни в рідній

Польщі. "Я мрію колись поїхати до
пам'ятника Шопену у Варшаві", -
каже вона.

Її гра на фортепіано в готельному
номері навряд чи може схова-
тися від інших гостей готелю De
Stadsboerderij, але, за словами
Рузанни, це зовсім не проблема.
"Ім усім дуже подобається. Я ще не
чула жодних розбіжностей".

Ruzanna Podolska vluchtte met een grote koffer met bladmuziek uit Oekraïne naar Hindeloopen:

'Muziek is mijn leven, ik kan niet zonder'

**Ruzanna Podolska (58)
zit op het puntje van haar
rietgedekte stoel in de
Grote Kerk. Ze kan niet stil
blijven zitten en deint mee
op de golvende klanken van
een Oekraïens trio dat hier
optreedt. Over Ruzanna gaat
het verhaal dat ze met twee
koffers haar woonplaats
Charkov ontvluchtte: een
kleine gevuld met kleding
en een grote boordevol
bladmuziek.**

Het is 'Kennismakingsdag' in
Hindeloopen. Met zo'n twee-
honderd andere bezoekers -
Hindeloopers en Oekraïners - geniet
Ruzanna met volle teugen van
de klassieke meesterwerken op
het programma. Wegdromen bij
de klanken van Astor Piazzolla's
Libertango. Of een traantje weg-
pinken bij de eerste tonen van Ave
Maria van Johann Sebastian Bach en
Charles Gounod. Even geen oorlog.

Ooievaar

De drie Oekraïense musici - pianiste
Anna Hoekstra-Kravchenko, celliste
Aleksandra Ostrykh en zangeres
Nadiia Suprunovych - brengen ook
enkele minder bekende, Oekraïense
werken ten gehore. Kyrylina Song
bijvoorbeeld, over een ooievaar die
altijd terugkeert naar zijn oude nest.

Daarna stapt Ruzanna naar voren
en draagt een gedicht voor van
Irina Samarina. Over sterren op een
warme zomeravond en een engel die
knipoogt vanuit de hemel.

Viswijvenkoor

De Hindelooper inbreng komt van
Viswijvenkoor Grietje Sprout en
Zeemanskoor Auke Wybesz. Vol
overgave zingen de leden verschil-
lende levensliederen, begeleid door
accordeons. Af en toe neuriet het
publiek mee.

"Het klopt, dat verhaal van de
koffers", zegt Ruzanna na afloop van
het concert. Ze herinnert zich dat
haar man erg verbaasd was over
haar keuze voor de bladmuziek.
Thuis kon ze nog piano spelen,
maar ze had geen idee of ze op

de toen nog onbekende plek van
bestemming over een instrument
zou beschikken. "Muziek is mijn
leven", had ze haar echtgenoot uit-
gelegd. "Ik kan die muziekstukken
niet achterlaten. Dat zou mijn hart
breken."

In de genen

Hetzelfde geldt ongeveer voor Anna
Kravchenko, de 34-jarige pianiste,
die zich tegenwoordig ook vaak
inzet als vrijwillig tolk.

Ze trouwde een Nederlandse zee-
man en verhuisde voor hem in 2019
van Poltava naar Leeuwarden. De
twee vrouwen nemen plaats op een
bankje voor een zonovergoten vis-
sershuisje aan de Tuinen. "Muziek
zit gewoon in onze genen", zegt
Anna. "We kunnen niet zonder."

Een van de vrijwilligers regelde een
elektrische piano voor Ruzanna.
"Om haar een beetje op te vrolijken",
gaat de tolk verder. "En om rust te
creëren in haar hoofd. Muziek helpt."
Charkov ligt voor een groot deel in
puin door de Russische bombarde-
menten, maar Ruzanne weet dat
haar woning nog overeind staat. Ze
leeft in het volste vertrouwen dat
Oekraïne zal zegevieren. "We bidden
dat de Russen niet alles kapot
maken."

Sprookje

Hoewel Ruzanne Hindeloopen
prachtig vindt - "het lijkt wel een
sprookje, alsof ik in de hemel ben"
- hoopt ze snel terug te keren naar
haar man. Omdat hij 65-plus is, had
hij het land ook mogen verlaten,
maar daar voelde hij niets voor. "Ik

*Ruzanna Podolska (l) en Anna
Hoekstra-Kravchenko
kunnen niet zonder muziek:
'Het zit gewoon in onze genen.'*

wil mijn land beschermen", had hij
gezegd.

Zijn echtgenote rest niets anders
dan geduld oefenen. Intussen kan ze
zich, wanneer ze maar wil, op haar
slaapkamer overgeven aan de meest
romantische klanken. Haar lieve-
lingscomponist? "Frédéric Chopin!"
Ook hij ontvluchtte ooit het oorlogs-
geweld in zijn vaderland Polen. "Ik
droom ervan om later nog eens naar
het Chopinmonument in Warschau
te gaan."

Haar pianospel op de hotelkamer
kan de andere gasten in hotel De
Stadsboerderij haast niet ontgaan,
maar dat is geen enkel probleem
volgens Ruzanna. "Ze vinden het
allemaal heel mooi. Ik heb nog geen
wanklank gehoord."

Met zijn typisch Nederlandse spijkerbroek valt de 9-jarige Gleb uit Oekraïne niet op tussen de andere kinderen op school in Sneek

Aarzelend staat Gleb (9) uit Charkov voor een kast met spijkerbroeken. "Wat dragen Nederlandse scholieren eigenlijk?", vraagt zijn moeder.

Gitaar

Zijn ogen lichten op. In Hindeloopen leerde hij al Nederlandse kinderen kennen. En hij heeft weer een gitaar die alleen nog gestemd moet worden en nu dus ook een spijkerbroek waarin hij hopelijk niet opvalt tussen de leerlingen in zijn nieuwe Nederlandse klas.

Twintig voor elf. De winkel, die eerst vol vrouwen en kinderen was, is ineens leeg. Iedereen is geslaagd. Of nee. Een ouder echtpaar komt binnen. De man tikt een tekst in zijn telefoon. "U vertrekt naar Polen", roept Roelie. "Vandaag?" Zijn vrouw zoekt een joggingbroek, zegt de man. Marijke houdt een grijze omhoog. Alie een zwarte. "Een dunne broek is wel lekker when you are travelling", vindt Roelie.

De communicatie gaat grotendeels via Google Translate. "Thank you, thank you, thank you", zegt de man tegen de vrijwilligers in de winkel. "Erg bedankt voor het warme welkom", voegt het vertaalprogramma op zijn telefoon toe.

Roelie grijpt haar eigen mobieltje. "We vonden het fijn dat u hier was en we hopen dat u veilig terug kunt komen in uw eigen omgeving", dicteert ze. Google Translate doet de rest.

Even golven er grote emoties door de winkel. Het echtpaar stapt naar buiten. Minke, die er vandaag niet is, krijgt de hartelijke groeten en Roelie, Marijke en Alie wuiven in de winkel deur. Het is wat, zegt Roelie. En iedereen voelt het.

Griek, Minke Smid en Alie Talhout de weggeefwinkel runt.

Nadat de textielcommissie via de vrijwilligers-app te horen kreeg dat er in het vluchtelingenhotel dringend behoefte was aan keukendoeken en pannensponsjes ging Roelie op pad naar de plaatselijke Spar-supermarkt. Maar betalen was er niet bij. "Als de vluchtelingen iets nodig hebben, spring ik financieel wel in", zeiden veel Hindeloopers tegen Klaas Wietze Sikkas van de winkel.

Roelie: "Dat is toch... ontroerend?"

'Als de vluchtelingen iets nodig hebben, spring ik financieel wel in'

Terug naar Gleb, die tevreden met een broek en een jasje naar buiten stapt. Thuis in Charkov ging hij naar school, naar computerles, naar gitaarles en leerde hij online Engels. Hij had nooit gedacht dat hij vanuit de schuilkamer in het noordoosten van Oekraïne in Hindeloopen terecht zou komen. Maar zo ging het wel.

Roelie de Vries-Bakker houdt zeker drie broeken omhoog. Gleb wikt en weegt. Hij gaat vandaag voor het eerst in Sneek naar school en wil er het liefst net zo uitzien als alle andere kinderen.

Tien voor tien woensdagochtend. De zon kietelt de straten, de eerste toeristen dwalen door Hindeloopen en de kledingwinkel voor de Oekraïense vluchtelingen in het stadje zoemt als een bijenkorf. Er liggen pyjama's, er is zwemkleding, er zijn kasten met broeken en er staan rekken met jurken en trainingspakken.

Schoon ondergoed

Alles is met vereende krachten gegeven en gesorteerd door de inwoners van de elfstedenstad. En nu hangt de enorme collectie in het pakhuis, het hoofdkwartier van de Hindelooper textielcommissie. Meteen na aankomst kregen alle vluchtelingen al schoon ondergoed, joggingpakken en sokken. De vuile Oekraïense was? Die draaide overall in de stad rondjes in particuliere wasmachines en werd de volgende ochtend schoon en gestreken naar het vluchtelingenhotel teruggebracht.

Heel Hindeloopen wil wel helpen, zegt Roelie die samen met Marijke

Gleb (9) valt straks zeker niet op in zijn nieuwe spijkerbroek.

У своїх типових голландських джинсах 9-річний Гліб з України не виділяється серед інших дітей у школі міста Снек

Гліб (9 років) з Харкова нерішуче стоїть перед шафою з джинсами. "Що насправді носять голландські школярі?" - запитує його мама.

з голландськими дітьми. А ще у нього знову є гітара, яку треба лише налаштувати, і тепер у нього є джинси, в яких він, сподіваємося, не буде виділятися серед учнів свого нового голландського класу.

Рулі де Вріс-Баккер тримає в руках щонайменше три пари штанів. Гліб важить і важить. Сьогодні він вперше йде до школи у Снеку і хотів би виглядати, як усі інші діти.

О десятій ранку в середу. Сонце лоскоче вулиці, перші туристи блукають Хінделоопеном, а магазин одягу для українських біженців у містечку гуде, як бджолиний вулик. Є піжами, є купальники, є шафи з брюками, є стелажі з сукнями та спортивними костюмами.

Чиста білизна

Все було віддано і відсортовано мешканцями ельфійського міста спільними зусиллями. І зараз величезна колекція висить на складі, в штаб-квартирі Гінделоперського текстильного комітету. Одразу після прибуття всім біженцям було видано чисту білизну, спортивні костюми та шкарпетки. Брудну українську білизну? Вона крутилася в приватних пральних машинах по всьому місту, а наступного ранку була повернута чистою і випрасуваною до готелю для біженців.

Весь Хінделоопен готовий допомогти, каже Роелі, який разом з Марійкою Грік, Мінке Смід та Аліє Талхаут керують магазином роздаткового матеріалу.

Після того, як текстильний комітет дізнався через волонтерський додаток, що в готелі для біженців терміново потрібні кухонні рушники та губки для сковорідок, Роелі вирушила до місцевого супермаркету Spar. Але про оплату не могло бути й мови. "Якщо біженцям щось потрібно, я допоможу фінансово", - сказали Клаасу Вітце Сіккесу з магазину багато хінделуперів.

Рулі: "Хіба це не... торкатися?"

"Якщо біженцям щось потрібно, я допоможу фінансово"

Повернемося до Гліба, який вийшов задоволений, з парою штанів і курткою. Вдома в Харкові ходив до школи, на уроки комп'ютерної грамотності, на уроки гри на гітарі та вивчав англійську мову онлайн. Він ніколи не думав, що з бомбосховища на північному сході України потрапить до Гінделоопена. Але так сталося.

Гітара

Його очі загорілися. У Хінделупені він вже знайомився

Без двадцяти одинадцять. Магазин, який раніше був повний жінок і дітей, раптом спорожнів. Всі пішли. Або ні. Заходить літня пара. Чоловік набирає на телефоні смс. "Ти їдеш до Польщі", - вигукує Роелі. "Сьогодні?" Дружина шукає спортивні штани, каже чоловік. Марійка піднімає сірого. Аліє, чорний. "Тонкі штани гарні, коли ви подорожуєте", - вважає Роелі.

Більшість спілкування відбувається через Google Translate. "Спасибі, спасибі, спасибі", - звертається чоловік до волонтерів у магазині. "Дуже дякую за теплий прийом", - додає програма-перекладач на його телефоні.

Рулі хапає свій мобільний телефон. "Нам дуже сподобалося, що ви були тут, і ми сподіваємося, що ви зможете безпечно повернутися у своє рідне середовище", - диктує вона. Все інше робить Google Translate.

На якусь мить цехом прокотилися великі емоції. Пара виходить на вулицю. Мінке, якого сьогодні немає, отримує теплі вітання, а Роелі, Марійка та Аліє махають рукою у дверях магазину. Це вже щось, - каже Роелі. І всі це відчують.

Гліб (9 років) вже точно не буде виділятися в нових джинсах

Marius Touwen van hotel De Stadsboerderij in Hindeloopen biedt tientallen gevluchte Oekraïners een tijdelijk onderkomen.

‘Niet zeuren, gewoon helpen’

Het bombardement op Rotterdam, op 14 mei 1940, doodde 711 inwoners en maakte binnen een kwartier 80.000 mensen dakloos, onder wie verpleegster Jozina Cornelia ('Jos') Bijloo, destijds 23 jaar oud. Tenminste, dat vermoedt haar zoon, de inmiddels 71-jarige Marius Touwen, oud-Leeuwarder en eigenaar van hotel De Stadsboerderij.

Nu biedt hij tientallen inwoners van gebombardeerde Oekraïense steden onderdak, vooral vrouwen en kinderen. De waarheid over zijn moeder blijft in nevelen gehuld. Ze sprak later nooit over het inferno met haar kinderen, vertelt Touwen, die tegenwoordig in Bloemendaal woont. "Tenminste, niet met mij."

Vast staat dat ze vrij snel na het bombardement naar Leeuwarden vertrok om daar als doktersassistente bij een huisarts te wonen en te werken. Hier raakte ze verslingerd aan de drie jaar jongere Jakop Jasper Touwen. Roepnaam: Jaap. Samen kregen ze drie zoons en een dochter. "Het was een typisch gereformeerd Gezin", gaat Touwen junior verder. "De instelling van mijn ouders was: als iemand om hulp vraagt dan moet je er zijn voor die ander. Iedereen

kon bij ons terecht in de Gouden Regenstraat."

Verzet

Beide ouders hadden in de oorlog hand- en spandiensten verricht voor het verzet. Koeriersdiensten vooral, maar ook daar werd na de oorlog niet meer over gesproken. Wel over de Holocaust. Als de jonge Marius bij het avondeten bromde dat hij geen honger had, legde moeder Jos nogal eens de link: "In het kamp zouden mensen er naar opspringen!"

Touwen begon zijn carrière ooit als tekenleraar aan lbo- en mbo-scholen in Leeuwarden, Ferwert, Sneek en Drachten, maar ontwikkelde zich later tot succesvol ondernemer in de bedrijfsgezondheidszorg. Hij werd eigenaar van het arbo-bedrijfsnetwerk Zorg van de Zaak in Utrecht

en was daarbij zo succesvol dat hij - tegen wil en dank - in de Quote 500 belandde. "Het is me niet slecht vergaan", zegt hij, meteen denkend aan de verantwoordelijkheid die dat voor zijn gevoel met zich meebrengt. "Dat betekent dat je ook meer moet delen."

Drijfveren

In het boek Samenspel, gepubliceerd in 2020, voert Touwen een gesprek met de Amsterdamse schrijfster Ariëlla Kornmehl (46) over onder meer drijfveren, kunst en leiderschap. Ze raken bevriend en werken inmiddels aan een tweede boek. "Die naastenliefde is er bij hem thuis toch wel in gehakt", zegt Kornmehl, die net het hotel is binnengewandeld. Het is iets wat de schrijfster zelf ook herkent vanuit haar Joodse achtergrond. Ze citeert verzetsheld Max Léons, een Joodse Rotterdammer: 'Proberen mens te zijn is geen verdienste, maar normaal.' "Daar ben ik het helemaal mee eens."

Medemenselijkheid zou de normaalste zaak van de wereld moeten zijn, vinden Marius Touwen - eigenaar van hotel De Stadsboerderij - en schrijfster Ariëlla Kornmehl.

Daarom zet ze zich ook in voor de hulpactie Oekraïne Run, bijvoorbeeld door opvangplekken te zoeken. Eén keer reed ze zelf met een busje naar de Pools-Oekraïense grens om vluchtelingen op te halen en in veiligheid te brengen. Aanvankelijk reisden deelnemers aan de Run namelijk met bestelbusjes, inmiddels met touringcars. "Ik ben een kleindochter van twee Duitse grootouders, die in 1939 vluchtten omdat ze Joods waren", legt Kornmehl uit. "Zij werden destijds helemaal niet goed opgevangen en daarom voel ik des te meer een bepaalde noodzaak om te helpen."

'Best heftig'

"Ik heb een plek nodig voor vluchtelingen uit Oekraïne", had ze Touwen begin maart voorgehouden. Hij hoefde er niet lang over na te denken. "Die kan ik leveren." Het besluit had wel tot gevolg dat alle gasten die al een kamer hadden gereserveerd, moesten worden afgebeld. "Best heftig", zegt Touwen. "We

zaten namelijk al vol met Pasen en Pinksteren. Gelukkig heeft booking.com ons geen boete opgelegd."

Touwen en Kornmehl besloten zich vooral te richten op vrouwen met jonge kinderen, ook omdat Hindeloopen alleen maar basisonderwijs biedt. "Het was best een hele klus om die bussen te vullen", zegt Kornmehl, "want het laatste wat je wil - zeker met mijn achtergrond - is selecteren, maar toch moesten we dat doen, in het belang van de vluchtelingen."

'Net een kibboets'

Touwen is erg blij dat zo'n honderd Hindeloopers zich meldden als vrijwilliger om samen met de Oekraïners de opvang tot een succes te maken. "Dat vind ik het mooiste: dat je een idee de gemeenschap in knalt en dat die gemeenschap dat vervolgens ook draagt. In een week tijd werd de hele organisatie opgezet door de vrijwilligers Wilt Kelderhuis, Miriam van der Meer, Anna Bank,

Jaap Kruis en Durk van Tuinen en er werd ook nog eens 15.000 euro ingezameld voor de eerste onkosten." De Oekraïners zijn, in een vreemd land, toch zo veel mogelijk zelfredzaam. Ze doen zelf boodschappen, koken hun eigen maaltijden. "Het is net een kibboets", zegt Kornmehl.

In de kleine stad aan het IJsselmeer gaat intussen het gerucht dat de opvang na de zomer stopt, maar dat is volgens Touwen niet het geval. "Ik was inderdaad van plan om na het seizoen met een verbouwing te starten, maar die stellen we gewoon even uit. Het kan nog wel tot kerst duren, maar ik kan de bewoners van deze 'Oekrahylpster' kibboets niet zomaar op straat zetten."

Consequentie

Touwen hoopt dat hij door de overheid in ieder geval voor de onkosten wordt gecompenseerd, maar wat als dat niet het geval is? "Dan is dat de consequentie van mijn eigen keuze en daar sta ik nog steeds volledig achter. Niet zeuren, gewoon helpen."

Маріус Тувен з готелю *De Stadsboerderij* у Хінделоопені надає тимчасове житло десяткам українських біженців.

"Не скиглити, а допомагати"

Бомбардування Роттердама 14 травня 1940 року вбило 711 мешканців і залишило без даху над головою 80 000 людей протягом 15 хвилин, в тому числі медсестру Йозіну Корнелію ("Джос") Біллоо, якій на той час було 23 роки. Принаймні, так підозрює її син, нині 71-річний Маріус Тувен, колишній лейвардер і власник готелю *De Stadsboerderij*.

Зараз він дає притулок десяткам мешканців розбомблених українських міст, переважно жінкам та дітям. Правда про його матір залишається оповитою туманом. Пізніше вона ніколи не говорила про пекло зі своїми дітьми, каже Тувен, яка зараз живе в Блумендаалі. "Принаймні, не зі мною".

Достеменно відомо, що вона виїхала до Леувардена досить скоро після бомбардування, щоб жити і працювати асистентом лікаря у лікаря загальної практики. Тут вона закохалася в молодшого на три роки Якопа Яспера Тувена. Позивний: Яап. Разом вони мали трьох синів та доньку. "Це була типова реформована сім'я, - продовжує Тувен-молодший. "Позиція моїх батьків була такою: якщо

хтось просить про допомогу, то ти маєш бути поруч з цією людиною. Будь-хто може прийти до нас на вулицю Гауден Регенштраат".

Опір

Обидва батьки під час війни працювали на підпільних роботах у підпіллі. В основному кур'єрські послуги, але навіть про це після війни не згадували. Однак Голокост був. Коли малий Маріус за вечерю наспівував, що він не голодний, мама Джос часто робила посилання на це: "У таборі люди на неї стрибали!"

Колись Тувен починав свою кар'єру вчителем малювання в школах Ibo та tbo в Леувардені, Ферверті, Сніку та Драхтені, але згодом став успішним підприємцем у сфері охорони здоров'я на

робочому місці. Він став власником мережі компаній з охорони праці *Zorg van de Zaak* в Утрехті і був настільки успішним у цьому процесі, що - всупереч своїй волі - потрапив до рейтингу *Quote 500*. "Я не погано впорався", - каже він, одразу ж думаючи про відповідальність, яку він відчуває за це. "Це означає, що ви також повинні більше ділитися".

Приводи

У книзі *Samenspel*, опублікованій у 2020 році, Тувен веде розмову з амстердамською письменницею Аріеллою Корнмел (46 років) про мотиви, мистецтво та лідерство, серед іншого. Вони подружилися і зараз працюють над другою книгою. "Ця любов до ближнього - це те, що він дійсно відчуває вдома", - каже Корнмел, який щойно зайшов до готелю. Це те, що сама письменниця визнає з огляду на своє єврейське походження. Вона цитує героя опору Макса Леонса, єврея з Роттердаму: "Намагатися

бути людиною - це не заслуга, а норма". "Я повністю з цим згоден".

Саме тому вона також долучилася до благодійної кампанії *Ukraine Run*, наприклад, шукаючи притулки. Одного разу вона сама їздила на мікроавтобусі до польсько-українського кордону, щоб забрати біженців і вивести їх у безпечне місце. Адже спочатку учасники Пробігу подорожували мікроавтобусами, тепер - автобусами. "Я онука двох німецьких бабусь і дідусів, які втекли у 1939 році через те, що були євреями", - пояснює Корнмел. "На той час про них зовсім не дбали, тому я тим більше відчуваю певну потребу допомогти".

"Досить інтенсивно"

"Мені потрібне місце для біженців з України", - сказала вона Тувену на початку березня. Довго роздумувати йому не довелося. "Я можу це забезпечити". Це рішення означало, що всі гості, які вже

забронювали номери, повинні були відмовитися від них. "Досить важкий", - каже Тувен. "Адже на Великдень і П'ятидесятницю ми вже були переповнені. На щастя, *booking.com* не наклав на нас штраф".

Тувен і Корнмел вирішили зосередитися в основному на жінках з маленькими дітьми, в тому числі тому, що Хінделупен пропонує тільки початкову освіту. "Було досить важко заповнювати ці автобуси, - каже Корнмел, - тому що останнє, що ви хотіли б - особливо з моїм досвідом - це відбити, але все ж таки ми повинні були це зробити, заради біженців".

"Як у кібуці"

Тувен дуже радий, що близько сотні хінделуперів записалися волонтерами до українців, щоб зробити прийом успішним. "Це те, що мені найбільше подобається: коли ти викидаєш ідею в громаду, а громада потім її реалізовує.

Людяність має бути найбільш нормальною річчю у світі, вважають Маріус Тувен - власник готелю De Stadsboerderij - та письменниця Аріелла Корнмел.

За тиждень волонтери Вілт Кельдерхуїс, Міріам ван дер Меер, Анна Банк, Яап Круїс та Дурк ван Туїнен створили цілу організацію, а також зібрали 15 000 євро на початкові витрати. Українці, перебуваючи на чужині, все ще максимально покладаються на власні сили. Вони самі роблять покупки, самі готують собі їжу. "Це як кібуц", - каже Корнмел.

Тим часом, у маленькому містечку на річці Ейсселмер ходять чутки, що після літа притулок припинить свою роботу, але Тувен каже, що це не так. "Я дійсно планував розпочати реконструкцію після сезону, але ми просто відкладаємо її. Це може тривати до Різдва, але я не можу просто так виставити мешканців цього "українського" кібуцу на вулицю".

Послідовність

Тувен сподівається, що уряд принаймні компенсує йому витрати, але що, якщо ні? "Тоді це наслідок мого власного вибору, і я його повністю підтримую. Не скиглити, а допомагати".

*Вілт і його гігантський торт.
Марина: "Торт "Київський".*

Без супу в Україні не обходиться жоден день Тож і в Гінделоопені без супу не обходиться жодного дня

Без супу в Україні не обходиться жоден день. Тож і в Гінделоопені без супу не обходиться жодного дня. "Смачного, їжте ситно", - каже Ангеліна Василенко.

Зараз полудень. Є овочевий суп з фрикадельками, є хліб, сир і запечений баклажан з помідором і пухнастими пучками кропу зверху.

На "Міській фермі" мешканці готують собі їжу самостійно. Щоранку о 07:30 розпочинає роботу нова кухонна бригада, яка змінюється по черзі.

Небезпека все ще підстерігає
Приємно відчувати Україну на смак у Хінделоопені, вважає Марина Трофуша. І це також важливо для дітей, каже Ангеліна. Суп в обідню перерву, відчуваєш себе як вдома. Суп дає підтримку.

В глибині їдальні сидить Віра, 5-річна донька Марини. Коли розмова заходить про війну, про те, що на Харків, незважаючи на перемоги української армії, все ще щодня падають бомби, вона три-можливо дивиться здалеку на маму.

За словами Марини, кілька мешканців "Сіті-Фарму" вже повернулися в Україну, але небезпека все ще підстерігає їх повсюди.

Віра підходить і тулиться до мами. Вона щойно вступила до початкової школи Де Скулпе. Як вона себе там почуває? Марина посміхається. "I don't understand Hindeloepski", плакала днями Віра.

Свято визнання

Агов, вся вітальня піднімається. Заходить Вілт Кельдерхайс, координатор усіх волонтерів. "З днем народження тебе", - співають усі, а з кухні вносять до приміщення химерний торт, на якому красується феєрверк.

"Спасибі, спасибі", - вигукує Вілт щонайменше двадцять п'ять разів. Він також сам привіз торт для всіх мешканців. Але цей багат шаровий шоколадний витвір з розпиленими вершками зверху б'є всі рекорди. Це - "Київський торт", фірмовий делікатес української столиці. "Подивіться на це", - вражено каже Вілт.

Коли мешканці були вперше в Гінделоопені, він водив їх до

турецької крамниці в Снеку. "Це було свято визнання того, що вони там мали", - каже він. Але зараз кухонна бригада також закуповує продукти на ринку у Воркум, розповідає Ангеліна. Вілт: "О так, я навіть не знав про це". І це добре, вважає він. Опора на власні сили дає силу.

Спільність

Вілт на прізвисько "Бос" ("але я не бос"), скося поглядаючи на торт, який, навіть маючи сьогодні велику компанію, він ніяк не може доісти: "Ми завжди говорили групі: ви тут не залишитесь. Ти живеш тут".

І справді, він вражений тим, що бачить на "Міській фермі". "Дуже добре, що мешканці все ще можуть функціонувати з усіма емоціями, які вони мають", - каже він. Ангеліні та Марині: "Ця ваша сила величезна. Цікаво, чи змогли б це зробити голландці".

Це "спільність", спільність у готелі, каже Марина. "Ми спілкуємося, ми сміємося, ми доглядаємо дітей один одного, ми все ще гуляємо по Хінделупену".

А ще є суп.

Wilt en zijn reuzentaart.
Maryna: "Een Kiev Cake."

Geen dag zonder soep in Oekraïne

En dus ook geen dag zonder soep in Hindeloopen

Geen dag zonder soep in Oekraïne. En dus ook geen dag zonder soep in Hindeloopen. "Smachnoho, eet smakelijk", zegt Angelina Vasylenko.

Het is 12.00 uur 's middags. Er is groentesoep met gehaktballetjes en er is brood, kaas en geroosterde aubergine met tomaat en wufte plukjes dille erop.

In de Stadsboerderij koken de bewoners zelf. Iedere ochtend om half 8 start een nieuwe keukenbrigade waarin ze bij toerbeurt diensten draaien.

Het gevaar loert nog

Het is fijn om Oekraïne te proeven in Hindeloopen, vindt Maryna Trofusha. En het is ook belangrijk voor de kinderen, zegt Angelina. Soep tussen de middag voelt als thuis. Soep geeft houvast.

Achterin de eetzaal zit Vira, de 5-jarige dochter van Maryna. Als het gesprek over de oorlog gaat, en over de bommen die ondanks de winst van het Oekraïense leger nog steeds iedere dag op Charkov vallen kijkt

ze bezorgd vanuit de verte naar haar moeder.

Een paar bewoners van de Stadsboerderij zijn alweer teruggegaan naar Oekraïne, vertelt Maryna, maar het gevaar loert nog overal.

Vira komt aansnellen en kruipt tegen haar moeder aan. Ze zit net op basisschool De Skulpe. Hoe het haar daar vergaat? Maryna lacht. "I don't understand Hindeloepski", riep Vira laatst.

Een feest van herkenning

Hee, de hele huiskamer veert op. Wilt Kelderhuis, coördinator van alle vrijwilligers komt binnen. "Happy birthday to you", zingt iedereen en vanuit de keuken wordt een kanjer van een taart, met vuurwerk erop, naar binnen gedragen.

"Thank you, thank you", roept Wilt zeker vijftwintig keer. Zelf heeft hij ook taart meegebracht, voor alle bewoners. Maar deze gelaagde chocoladecreatie met gespoten crème-toefjes erop slaat alles. Het is een Kiev Cake, een specialiteit uit de Oekraïense hoofdstad. "Kijk nou toch", zegt Wilt geïmponeerd.

Toen de bewoners pas in Hindeloopen waren, nam hij ze mee

naar de Turkse winkel in Sneek. "Het was een feest van herkenning, wat ze daar allemaal hadden." Maar nu koopt de keukenbrigade ook in op de markt in Workum, zegt Angelina.

Wilt: "O ja? Dat wist ik geen-eens." En dat is goed, vindt hij. Zelfredzaamheid geeft kracht.

Saamhorigheid

Wilt oftewel 'The Boss' ("maar dat ben ik niet") met een zijdelingse blik naar de taart die hij zelfs met een groot gezelschap vandaag in de verste verte niet op krijgt: "We hebben altijd tegen de groep gezegd: U verblijft hier niet. U woont hier."

En echt, hij staat te kijken van wat hij in de Stadsboerderij ziet gebeuren. "Het is knap dat de bewoners met alle emoties die ze hebben toch nog kunnen functioneren." Tegen Angelina en Maryna: "Die kracht van jullie is enorm. Ik vraag me af of Nederlanders dat zouden kunnen."

Het is de togetherness, de saamhorigheid in het hotel, zegt Maryna. "We praten, we lachen, we passen op elkaars kinderen, we lopen nog steeds therapeutisch om Hindeloopen heen."

En er is soep.

Foppie (r) en Jeddy Klaaren met een kopie van een schilderij van de stadsboerderij en het voormalige stadhuis, gemaakt door de vader van drie kinderen die tijdens de hongervinter een thuis vonden in Hindeloopen.

Twee keer verzorgde gastvrouw Foppie Klaaren (81) van hotel De Stadsboerderij in Hindeloopen nog een ontbijtje voor de vluchtelingen, toen zat haar taak er op

Foppie en Jeddy: 'Laskavo prosimo'

Toen de 81-jarige Foppie Klaaren begin maart hoorde over het plan om heel snel Oekraïners op te vangen, was ze toch wel even van slag. Al 26 jaar werkte zij, geboren en getogen in Hindeloopen, als gastvrouw in het hotel. "Mensen bedienen was mijn lust en mijn leven."

Elke ochtend in het zomerseizoen, van april tot oktober, zwaaide Foppie de staldeuren open om toeristen te verwelkomen en te voorzien van een natje en een droogje. Ook maakte ze uitgebreide ontbijtbuffetten voor de hotelgasten. In het nieuwe plan was de seizoenskracht ineens niet meer nodig. "Dat was echt even schrikken."

Bewoners, geen gasten

Hoteleigenaar Marius Touwen en de opvangcoördinatoren wilden dat de vluchtelingen, gesteund door vrijwilligers, zoveel mogelijk hun eigen leven konden leiden. Als bewoners, niet als gasten. Op hun eigen manier de maaltijden bereiden, maar ook zelf boodschappen doen en schoonmaken.

Zeker honderd mensen hadden begin maart al een hotelkamer gereserveerd voor Pasen en Pinksteren. "Bel ze maar af", hoorde de gewezen gastvrouw haar baas zeggen. Foppies blik sprak boekdelen. Ogen

als schoteltjes. "Dat kun je niet máken", protesteerde ze. Tevergeefs. Marius was vastberaden. Twee keer verzorgde Foppie nog een ontbijtje voor de eerste vluchtelingen en daarmee zat haar taak als gastvrouw er op.

Uus Likje Wraald

In de Stadsboerderij werden vaker mensen in nood opgevangen, weet Foppie's echtgenoot, Jeddy Klaaren (82). Hij, ook een geboren Hindelooper, heeft zich erg verdiept in de lokale geschiedenis. Regelmatig levert hij bijdragen voor stadskrant Uus Likje Wraald.

In de laatste oorlog huurde zijn vader Piet de boerderij, terwijl zijn broer Siep er woonde. Samen dreven ze een veehouderij. De hooizolder was in die tijd een schuilplek voor onderduikers, net als de zolder van het iets verderop gelegen stadhuis. Tijdens de hongervinter verbleven in beide panden kinderen uit het westen van het land om aan te sterken.

Schilderij

Jeddy heeft nog een kopie van een schilderij bewaard dat een vader van drie van die kinderen voor Piet Klaaren had gemaakt. Als dank. "Het origineel hangt in Museum Hindeloopen." Foppie en Jeddy woonden later ook zelf in de boerderij: van 1964 tot 1978.

Terug naar het hier en nu. Sinds vorige week is het weer helemaal koek en ei tussen Marius en Foppie. "Hij heeft het goedgemaakt", zegt ze, zonder in detail te treden. "Alles is netjes opgelost."

Kleine klusjes

Een paar keer per week is ze nog in het hotel te vinden om vrijwillig kleine klusjes te doen, want Foppie helpt graag. De koffieautomaat doorspoelen bijvoorbeeld, dat komt nogal precies. "Ik zag dat de Oekraïners op de verkeerde knopjes drukten. 'No-no', zei ik."

Veel woorden wisselt Foppie niet met de gasten. Ze praat vooral met handen en voeten. Tussen de bedrijven door leerden zij en haar man toch nog een beetje Oekraïens. 'Pryvit' betekent bijvoorbeeld 'hallo', weet Foppie. En 'laskavo prosimo', zegt Jeddy, betekent 'van harte welkom'.

Фоппі (праворуч) і Джедді Клаарен з копією картини міської ферми і колишньої ратуші, зробленої батьком трьох дітей, які знайшли притулок в Хінделупені під час голодної зими.

Двічі господиня готелю *De Stadsboerderij* в Хінделоопені 81-річна Фоппі Клаарен (*Forpie Klaaren*) пригостила біженців сніданком, після чого її завдання було виконано

"Було дійсно страшно"

Коли 81-річна Фоппі Клаарен почула на початку березня про те, що найближчим часом планують прийняти українців, вона неабияк засмутилася. Протягом 26 років вона, яка народилася і виросла в Хінделоопені, працювала покоївкою в готелі. "Служіння людям було моєю радістю і моїм життям", - сказала вона.

Щоранку протягом літнього сезону, з квітня по жовтень, Фоппі відчиняв двері стайні, щоб привітати туристів і забезпечити їх вологим і сухим кормом. Вона також приготувала для гостей готелю вишукані сніданки-буфети. У новому плані сезонні сили раптово виявилися непотрібними. "Це був справжній шок", - сказала вона.

Мешканці, а не гості

Власник готелю Маріус Тувен та координатори прийому хотіли, щоб біженці за підтримки волонтерів якомога більше жили власним життям. Як мешканці, а не як гості. Готують їжу по-своєму, а також самостійно здійснюють покупки та прибирання.

Щонайменше 100 осіб вже забронювали номери в готелях на Великдень та П'ятидесятницю на початку березня. "Відклич їх", - почула колишня господиня слова своєї начальниці. Погляд Фоппі говорив багато про що. Очі як тарілки. "Ви не можете цього допустити", - протестувала вона. Даремно. Маріус був

налаштований рішуче. Двічі Фоппі готувала сніданок для перших біженців і на цьому її робота в якості господині закінчилася.

'Uus Likje Wraald'

Стадсбордерідж частіше давав притулок людям, які цього потребували, знає чоловік Фоппі, Джедді Клаарен (82 роки). Він, також уродженець Гінделопера, дуже захоплювався місцевою історією. Регулярно дописує до міської газети *Uus Likje Wraald*.

Під час останньої війни його батько Піт орендував ферму, а брат Сіп жив на ній. Разом вони утримували тваринницьку ферму. У ті часи сінник був схованкою для людей, які переховувалися, як і горище ратуші трохи далі. Під час голодної зими в обох корпусах перебували на оздоровленні діти із заходу країни.

картина

Джедді досі зберігає копію картини, яку батько трьох з цих дітей намалював для Піта Клаарена. На знак подяки. "Оригінал висить у музеї Хінделоопен", - каже він.

Пізніше Фоппі і Джедді самі проживали в цьому будинку: з 1964 по 1978 рік.

Повернімося до "тут і зараз". З минулого тижня між Маріусом та Фоппі все повністю повернулося до нормального життя. "Він помирився", - каже вона, не вдаючись у подробиці. "Все вирішилося добре".

Невеликі робочі місця

Кілька разів на тиждень її все ще можна зустріти в готелі, де вона допомагає по господарству, адже Фоппі любить допомагати. Промивання кавомашини, наприклад, яке відбувається досить точно. "Я бачив, що українці натискають не ті кнопки. Я сказав: "No-no".

З гостями Фоппі обмінюється небагатослівними фразами. Розмовляє переважно руками та ногами. У перервах між бізнесом вони з чоловіком трохи вивчили українську мову. "Привіт", наприклад, означає "hallo", Фоппі знає. А "laskavo prosimo", каже Джедді, означає "van harte welkom".

"Ми всі – воїни"

На залитій сонцем терасі ресторану *De Foeke* незадовго до першої години дня дзвонить телефон перекладача-аматора Ірини Литвенюк (53 роки). Це координатор прийому Вілт Кельдерхайс. Він дзвонить майже щодня і часто питання полягає в тому, чи може вона перекладати на місці по телефону. Цього разу одному з постояльців готелю *De Stadsboerderij* пропонують роботу і необхідно вирішити деякі ділові питання.

Ірина робить це з любов'ю. "Я така щаслива, що можу ще щось значити в цьому сенсі", - каже вона. Крім того, щосуботи вона працює волонтером у готелі *Amicitia* у Снеку, який також є притулком. "Я там в основному для того, щоб вислухати. Люди все ж таки хочуть розповісти свої історії".

"Моє місто"

Сама вона приїхала до Нідерландів з Києва у 1994 році разом зі своїм тодішнім чоловіком. Тоді в Україні не було війни. З 2007 року Ірина мешкає у Болсварді. "Тепер це моє місто, скоріше містечко, тому що воно все ж таки дуже відрізняється від мегаполісу Києва".

На початку квітня цього року її мати Елеонора Литвенюк (84 роки) втекла з Києва до Нідерландів. На відео Ірина раніше бачила, як вночі над будинком, де мешкала її мама, пролітали ракети. Один з них влучив у центральну антену наприкінці березня, через що мешканці не могли дивитися телевізор протягом тижня. А коли дзвонила мамі, Ірина чула на задньому плані вибухи: "Бум-бум-бум-бум".

Єдина дитина

Але Мати не думала про від'їзд. Мініатюрна жінка, 1,55 метра на зріст, але патріотка в душі. "Ніні", - вигукнула вона, коли Ірина, її єдина дитина, запропонувала їй приїхати до Болсварда "Мамо, будь ласка!"

Ірина сама переживала неспокійні місяці. Через пухлину їй довелося зробити операцію. Згодом

з'ясувалося, що вона не є злоякісною, але вона дуже хвилювалася. "Я не ділилася цим з мамою. Вона вже достатньо пережила. Я грала виставу, у мене все було добре". Ірина пам'ятає, як розсердилася і вигукнула: "Не можна бути такою егоїсткою. Просто приїжджай. Все зроблено. Йдеться не лише про вас, а й про мене, ваших онуків і правнуків". Цим Ірина потрапила в потрібний акорд. На її очах сльози. "Я ніколи не плачу, - каже Ірина. "Тільки коли думаю про маму і дуже рідко - на романтичний фільм".

"Не можна бути таким егоїстом. Просто приходь. Все зроблено".

Невелика валіза

З невеликою валізою, наповненою одягом, документами та ліками, старенька покинула Київ. Не знаючи, чи повернеться вона коли-небудь. Подруга Ірини подорожувала разом з нею. Спочатку потягом з Києва до Варшави, де волонтери організували проживання в готелі та надали інвалідний візок. Плюс квиток на літак на двох до Амстердама.

"Я відчула величезне полегшення", - говорить Ірина про зустріч в аеропорту Схіпхол. Відтоді в домі Литвенюків щодня близько полудня знову їдять юшку, що є типовим українським звичаєм.

"Буряковий суп, наприклад. Ми називаємо його "Борщ"".

У ресторані "The Foeke" гості також змогли його скуштувати. У тому числі завдяки 40-річній Вікторії, яка зараз мешкає у Міському господарстві. Вона родом з Харківської області і працює переважно на кухні, зрідка - у сфері обслуговування. Вікторія навчила шеф-кухаря Рене Клаарена - власне, сина Фоппі та Джекді Клааренів - готувати суп з червоного буряка. "Людям подобається", - каже українка.

"Трохи відволіктися"

Окрім Вікторії, в ресторані працюють ще дві дівчини з України. "Для нас дуже важливо, щоб ми продовжували працювати, - продовжує Вікторія. "Щоб трохи відволіктися і не думати весь час про війну". Зараз вона знову про неї думає. Вибухи. Родичі, які досі живуть там і часто недосяжні днями, тижнями. "Жахливо", -

Вікторія на мить замикає, схиляє голову. Ірина бере її за руку: "Заспокойся".

За словами Ірини, між собою біженці мало говорять про війну. Це майже табу. "Вони стали трохи втомленими і невпевненими, - пояснює перекладач, - бояться, що це може затягнутися надовго". І, звичайно, дуже сумують за своїми чоловіками. Можливо, це стратегія виживання. Тому що вони хочуть залишитися на плаву. Це їхня боротьба. Ми всі - бійці".

‘We zijn allemaal strijders’

Op het zonovergoten terras van restaurant De Foeke gaat even voor één uur de telefoon over van amateurtolk Iryna Lytvenjuk (53). Het is opvangcoördinator Wilt Kelderhuis. Hij belt vrijwel dagelijks en vaak is de vraag of ze ter plekke even telefonisch kan tolken. Dit keer krijgt een van de gasten van hotel De Stadsboerderij een baan aangeboden en er moeten nog wat zakelijke afspraken worden gemaakt.

Iryna doet het met liefde. “Ik ben zo blij dat ik op deze manier toch nog iets kan betekenen.” Bovendien is ze elke zaterdag als vrijwilliger te vinden in het Amicitia Hotel in Sneek, eveneens een opvanglocatie. “Daar ben ik vooral om een luisterend oor te bieden. Mensen willen toch hun verhaal kwijt.”

‘Mijn stadje’

Zelf kwam ze al in 1994 vanuit Kiev naar Nederland met haar toenmalige man. Destijds was er nog geen sprake van oorlog in Oekraïne. Sinds 2007 woont Iryna in Bolsward. “Dat is nu mijn stad. Of stadje, liever gezegd, want het is toch heel wat anders dan miljoenenstad Kiev.”

Begin april dit jaar vluchtte haar moeder Eleonora Lytvenjuk (84) vanuit Kiev naar Nederland. Op video’s had Iryna eerder gezien hoe de raketten ‘s nachts over het flatgebouw joegen waar haar moeder woonde. Eentje raakte eind maart een centrale antenne inrichting waardoor de bewoners een week lang geen tv konden kijken. En als ze met haar moeder belde, hoorde Iryna de explosies op de achtergrond: “Boem-boem-boem”.

Enig kind

Toch peinsde moeders er niet over om te vertrekken. Een kleine vrouw, 1,55 meter lang, maar patriot in hart en nieren. “Nee-nee”, schreeuwde ze uit toen Iryna, haar enige kind, voorstelde om naar Bolsward te komen. “Mam, alstublieft!”

Iryna had zelf hectische maanden achter de rug. Ze moest geopereerd

worden vanwege een tumor. Die bleek uiteindelijk niet kwaadaardig, maar ze had zich wel erg zorgen gemaakt. “Dat deed ik niet met mijn moeder. Die had genoeg mee-gemaakt. Ik speelde een toneelstukje: met mij ging alles goed.”

Iryna herinnert zich dat ze boos was geworden en dat ze uitriep: “Je mag niet zo egoïstisch zijn. Je moet gewoon komen. ‘t Is klaar. Het gaat niet alleen om jou, maar ook om mij, jouw kleinkinderen en achterkleinkinderen.” Daarmee raakte Iryna de juiste snaar. De tranen staan in haar ogen. “Ik huil nooit”, zegt Iryna. “Alleen om mijn moeder. En heel soms om een romantische film.”

‘Je mag niet zo egoïstisch zijn. Je moet gewoon komen. ‘t Is klaar.’

Klein koffertje

Met een klein koffertje, gevuld met wat kleren, documenten en medicijnen, vertrok de oude dame uit Kiev. Niet wetend of ze ooit nog terug zou keren. Een vriendin van Iryna, reisde mee. Eerst per trein van Kiev naar Warschau waar vrijwilligers een hotelovernachting en een rolstoel regelden. Plus een vliegtuigticket voor de twee personen naar Amsterdam.

“Ik was enorm opgelucht”, vertelt Iryna over de hereniging op Schiphol. Sindsdien wordt er in

huize Lytvenjuk, elke dag rond het middaguur weer soep gegeten, een typisch Oekraïense gewoonte. “Rodebietensoep bijvoorbeeld. ‘Borsjtsj’ noemen we dat.”

Ook in De Foeke hebben de gasten er inmiddels van kunnen proeven. Mede dankzij de 40-jarige Viktoriia, die nu in de Stadsboerderij woont. Ze komt uit de omgeving van Charkov en werkt vooral in de in de keuken en af toe in de bediening. Viktoriia leerde kok René Klaaren - inderdaad de zoon van Foppie en Jeddy Klaaren - hoe hij rode bietensoep moest maken. “De mensen vinden het heerlijk”, zegt de Oekraïense.

‘Een beetje afleiding’

Naast Viktoriia werken in het restaurant nog twee dames uit Oekraïne. “Het is heel belangrijk voor ons om bezig te blijven”, gaat Viktoriia verder. “Gewoon om een beetje afleiding te hebben en niet steeds aan de oorlog te denken.” Nu denkt ze er toch weer even aan. De bombardementen. De familieleden die er nog wonen en vaak dagen, weken lang onbereikbaar zijn. “Verschrikkelijk.” Viktoriia valt even stil, buigt haar hoofd. Irina pakt haar hand: “Rustig maar.”

Onderling praten de vluchtelingen volgens Iryna niet zo veel over de oorlog. Het lijkt bijna een taboe. “Ze zijn een beetje moe en onzeker geworden”, legt de tolk uit, “bang dat het misschien nog lang gaat duren. En ze missen hun mannen natuurlijk enorm. Misschien is het een overlevingsstrategie. Omdat ze overeind willen blijven. Dat is hun gevecht. We zijn allemaal strijders.”

**Uit Charkov gevluchte
Zhanna Kravchenko:**

‘Door naar jullie te kijken, zien wij wat de oorlog ons heeft afgenomen’

Soms is het alsof het leven als in een droom voorbijlijdt. “Alsof we in de kosmos zweven”, zegt Zhanna Kravchenko (48). In Charkov schreef ze soms poëzie, maar in Hindeloopen stakte de woordenstroom in haar hoofd. Tot nu. Dit is de eerste tekst die ze in Friesland schreef.

“Als Hindeloopers aan mij ‘Hoe gaat het?’ of ‘Ben je okee?’ vragen, zou ik ze een wedervraag willen stellen. ‘Wil je het echt weten?’, zou ik willen zeggen. ‘Wil je echt weten wat er in mijn hoofd, in mijn hart en mijn ziel omgaat?’

Of vraag je gewoon voor de beleefdheid hoe het met me gaat en is het de bedoeling dat ik lach en een politiek correct antwoord geef? Zoiets als: ‘Het gaat geweldig, dankjewel dat je het vraagt.’

Wie zijn wij voor jullie?

Wie zijn wij voor jullie? Jullie leven in een vredig land, jullie wonen in prachtige huizen. Jullie stoppen je kinderen in bed en weten wat de dag van morgen gaat brengen. Maar wie zijn wij? Ik weet het niet.

Wat ik wel weet is dat jullie een spiegel voor ons zijn. Door naar jullie te kijken, zien wij wat de oorlog ons heeft afgenomen. We zijn als ballonnen, niet gevuld met lucht maar met pijn. En in onze nieuwe rol hebben we ineens geen woorden meer.

We kijken door de grote ramen van jullie huizen naar binnen. We kijken naar jullie kamers waarin zelfs de kleinste dingen comfort en vrede ademen. Waar alles.... leeft.

En omdat onze werkelijkheid niets gemeen heeft met jullie realiteit, weten we niet hoe we onze gemoedstoestand aan jullie kunnen uitleggen.

De heelheid is versplinterd

Soms zeggen mensen: ‘Je moet je niet zoveel zorgen maken over alle bezittingen die je in Oekraïne hebt achtergelaten. Dat zijn maar spullen.’

Nee!

Het zijn geen spullen. Ons verleden, onze herinneringen en ons leven zijn in Oekraïne achtergebleven.

Ik heb geen foto’s van mijn ouders meer en ik ben de eerste tekeningen van mijn dochter kwijtgeraakt. Mijn lievelingsspullen, hoe klein ook, zijn verloren. De puzzelstukjes van mijn leven, alle deeltjes die mijn plaatje compleet maakten, bestaan niet meer. De heelheid is versplinterd. De oorlog heeft alles vernietigd.

Ik zou zo graag in een gelukkige en vredige toekomst willen geloven. Ik probeer het echt, maar het is bijna onmogelijk. Omdat ik een ballon ben, gevuld met pijn.

Muren van wantrouwen

Wij hebben muren van wantrouwen om onszelf heen gebouwd en bijna niemand kan er doorheen breken, omdat we zo kwetsbaar zijn.

Toch zijn er mensen die daar wel in slagen. Zij zijn letterlijk gemaakt van vriendelijkheid. Hun verlangen om ons te helpen laat onze twijfels stuk slaan op de stenen bij de dijk in Hindeloopen.

En nee. Ik ga jullie niks vertellen over alle verliezen, alle angst, alle

verschrikkelijke gebeurtenissen die we hebben moeten doorstaan. Ik wil alleen maar dat jullie begrijpen dat er een enorme variëteit aan gevoelens en emoties in ons opborrelt als jullie ‘Hoe gaat het, alles oké?’ vragen.”

Stilte. Zhanna kijkt verlegen naar beneden als het over haar tekst gaat. “Ik kan het alleen maar opschrijven, niet vertellen”, zegt ze. En haar verhaal is niet bedoeld als kritiek, beklemtoont ze. Het gaat over de complexiteit van alles.

Haar 25-jarige zoon en man zijn nog in Oekraïne en zelf moest ze samen met haar zestienjarige dochter Dasha in een flits haar bezittingen in een klein tasje proppen. Wat je dan doet?

Kruimeltje thuis

“Je neemt vooral documenten mee.” Daarna wachtten Dasha en zij drie dagen en nachten, zonder eten en drinken, op een overvol treinstation op de eerste de beste vluchtmogelijkheid.

Ze laat een foto zien van de mensen-zee op het perron. Die dag raakte ze ontheemd.

Haar zus Maryna, die ook in Hindeloopen schuilt, vond onderin haar tas laatst een suikerzakje van een café in Charkov. Ze maakte er foto’s van die ze naar haar vrienden stuurde. Suiker! In een zakje met het bekende logo van dat favoriete café. Een zakje dat ze vroeger gedachteloos openscheurde. Een emotioneel, ingewikkeld kruimeltje thuis.

Про це розповіла
Жанна Кравченко,
яка втекла з Харкова

"Дивлячись на вас, ми бачимо, що що забрала у нас війна"

Іноді здається, що життя
проноситься повз нас, як сон.
"Ми ніби пливемо в космосі", -
каже Жанна Кравченко (48
років). У Харкові вона іноді
писала вірші, але в Хінделоопені
потік слів застряг у її голові. Досі.
Це перший текст, який вона
написала у Фрисландії.

Коли хінделоопери запитують мене "Як справи?" або "Чи все гаразд?", я ставлю їм запитання у відповідь. "Ви справді хочете це знати?", - запитала би я. "Ти справді хочеш знати, що відбувається в моїй голові, в моєму серці і в моїй душі?"

Чи ви просто з ввічливості запитуєте, як у мене справи, і маєте намір, щоб я посміхнулася і дала політкоректну відповідь? Щось на кшталт: "У мене все добре, дякую, що запитали".

Хто ми для вас?

Хто ми для вас? Ви живете в мирній країні, ви живете в красивих будинках. Ви вкладаєте своїх дітей спати, знаючи, що принесе завтрашній день. Але хто ми такі? Я не знаю.

Я точно знаю, що ви є дзеркалом для нас. Дивлячись на вас, ми бачимо, що забрала у нас війна. Ми як повітряні кульки, наповнені не повітрям, а болем. І в нашій новій ролі у нас раптом немає слів.

Ми заглядаємо у великі вікна ваших будинків. Ми заглядаємо у ваші кімнати, де навіть найменші дрібниці дихають затишком і спокоєм. Де все... життя.

І оскільки наша реальність не має нічого спільного з вашою реальністю, ми не знаємо, як пояснити вам свій стан душі.

Цілісність розбита вщент

Іноді люди кажуть: "Ви не повинні так переживати за все те майно, яке ви залишили в Україні. Це все дурниці".

Ні!

Це не речі. Наше минуле, наші спогади і наші життя залишилися в Україні.

У мене більше немає фотографій моїх батьків, а перші малюнки моєї доньки я загубила. Мої улюблені речі, хоч і маленькі, але втрачені. Пазли мого життя, всі шматочки, які робили мою картину повною, більше не існують. Цілісність була зруйнована. Війна знищила все.

Так хочеться вірити в щасливе і мирне майбутнє. Я дуже намагаюся, але це майже неможливо. Тому що я - кулька, наповнена болем.

Стіни недовіри

Ми збудували навколо себе стіни недовіри і навряд чи хтось зможе їх пробити, бо ми такі вразливі.

Але є люди, яким це вдається. Вони буквально створені з доброти. Їхнє бажання допомогти нам змушує наші сумніви розбиватися об каміння біля дамби в Гінделоопені.

І ні. Я не буду розповідати про всі втрати, про весь страх, про всі страшні події, які нам довелося

пережити. Я просто хочу, щоб ви зрозуміли, що величезна кількість різноманітних почуттів та емоцій вирує всередині нас, коли ви запитуєте: "Як справи, все гаразд?".

Тиша. Жанна сором'язливо опускає очі, коли мова заходить про її текст. "Я можу тільки записати, але не розповісти", - каже вона. І її розповідь не є критикою, наголошує вона. Йдеться про комплексність всього.

Її 25-річний син і чоловік ще в Україні, а її самій, разом з 16-річною донькою Дашею, довелося миттєво втиснути свої речі в невелику сумку. Що робити далі?

Крихітка вдома

"Здебільшого берете з собою документи". Тоді вони з Дашею три дні і ночі, без їжі і пиття, на переповненому вокзалі чекали першої можливості втекти.

Вона показує фотографію моря людей на пероні. Того дня вона стала переселенкою.

Її сестра Марина, яка також має притулок у Хінделоопені, днями знайшла на дні своєї сумки пакетик цукру з харківського кафе. Вона сфотографувала його, а потім надіслала фото своїм друзям.

Цукор! У пакетуку зі знайомим логотипом улюбленої кав'ярні. Мішок, який вони бездумно розривали. Емоційна, складна крихітка вдома.

Het slechte nieuws uit Charkov verdampt even, als het rooie katje Lisa aan je veters trekt

Ze heet Lisa, ze is piepklein en ze is een verjaardagscadeau. Iedereen lacht als het katje zich in de nek van de zeventienjarige Dasha nestelt. De oogjes van de zachte rooie vallen dicht, haar kopje valt naar achteren.

Dasha wilde al veel langer een katje. Hoe lang al? "Ik denk een jaar of vier." Maar het kwam er niet van. Haar vader was tegen en haar moeder Zhanna Kravchenko ook. Bovendien hadden ze in Charkov al een hond.

De Cocker Spaniël luistert naar de naam Toby en hij is in Oekraïne achtergebleven bij de broer en vader van Dasha.

Als de Spaniël ter sprake komt versluiëren de blikken van Zhanna en Dasha. Praten over Toby en over de mannen in de familie is pijnlijk. Charkov ligt in puin, de afgelopen week vielen er weer doden door Russische raketaanvallen.

In het nabijgelegen stadje Ljoebotin werd een school geraakt en het gebouw waar Dasha nog niet eens zo lang geleden les had, is verwoest. Op de dag dat ze de baljurk kocht voor het eindfeest van haar middelbare school brak de oorlog uit.

Waar haar vriendinnen nu zijn? "In Polen", zegt Dasha. "En in Roemenië, Londen en Tsjechië." In Hindeloopen raakte ze bevriend met een Oekraïense leeftijdsgenoot die ook in de Stadsherberg logeerde, maar dat meisje is samen met haar familie teruggegaan naar Kiev.

Korte stilte. Geloken ogen. "Heel moeilijk", zegt Zhanna. Want eigenlijk wil iedereen natuurlijk terug. "Maar iedere dag gaan er mensen dood in Charkov."

En middenin alle ellende werd Dasha dus zeventien. Zhanna wist al jaren dat haar dochter dolgraag een kat wilde. Maar ze vroeg zich af hoe duur de verzorging van een poes zou zijn. En of ze het nu, op de vlucht in Hindeloopen, kon maken om een katje te nemen.

Haar zus Maryna rolt met haar ogen. "Pfoe! Ik had het niet gedaan", zegt ze. "Het is crazy". Maar onwillekeurig schiet ze toch in de lach omdat Lisa

alweer met de schoenveters van Dasha speelt.

Ze is zo open, zo nieuwsgierig, zo blij, zo speels, zegt Zhanna over de kleine rooie. En nu de poes er eenmaal is, en het gezicht van Dasha oplicht zodra ze Lisa ziet, zijn alle zorgen ineens weg. "Misschien vinden mensen het nog steeds een idioot besluit van me", weet Zhanna. "Maar het is goed. Ik pieker er niet meer over. Lisa hoort bij de familie. Ik had geen betere beslissing kunnen nemen."

.....>
'We moeten stoppen met wachten. We moeten leven.'

Dasha met haar verjaardagscadeau. "Crazy", vindt haar tante. "Ik had geen betere beslissing kunnen nemen", zegt haar moeder

Na enig nadenken: "Weet je, ineens kreeg ik het besef dat we moeten stoppen met wachten. We moeten leven. En de komst van Lisa is het begin."

In de tweepersoonskamer in Hindeloopen, waar ze samen met Zhanna woont staat een katten-speelhuisje, op de grond ligt katten-spielgoed en in de grote zaal beneden waar ze ook mag komen, steelt Lisa steevast de show.

Iedereen wordt blij van haar. Ook de vader van Dasha in Oekraïne. "Nee hij wilde echt nooit een kat", zegt Zhanna. "Maar vlak voor we samen de knoop doorhakten, zei hij: Misschien is dit het laatste cadeau dat ik Dasha kan geven."

Tranen. Bij iedereen. En Lisa speelt. Ze sprint door de kamer, haar staartje brutaal recht omhoog. "Och kijk nou", roept Zhanna. Haar dochter pakt de kleine op en geeft haar kusjes. "Ze is zo klein", zegt Zhanna over het poesje.

"Piepklein. Maar ze trekt ons telkens weer in het moment. En ooit gaat ze mee terug, ons Hindeloopski souvenir."

.....

*"ми повинні
припинити чекати.
Треба жити."*

Погані новини з Харкова миттєво випаровуються, як руде кошеня Ліза тягнеться за вашими шнурками

Її звать Ліза, вона крихітна і це подарунок на день народження. Всі сміються, коли кошеня тулиться до шії сімнадцятирічної Даші. Очі м'якої рудої дівчинки заплющуються, голова відкидається назад.

Даша давно хотіла кошеня. Як довго? "Думаю, близько чотирьох років", - каже вона. Але це так і не відбулося. Її батько був проти, як і мати Жанна Кравченко. Крім того, у них вже є собака в Харкові.

Кокер-спанієль реагує на ім'я Тобі і залишився в Україні з братом і батьком Даші.

Коли мова заходить про спанієля, очі Жанни і Даші звужуються. Говорити про Тобі і про чоловіків у родині боляче. Харків лежить в руїнах, в результаті російських ракетних обстрілів минулого тижня знову загинули люди.

У сусідньому місті Любутин влучили в школу, зруйновано будівлю, де ще нещодавно Даша проводила уроки. У день, коли вона купила випускню сукню для випускного вечора в школі, почалася війна. Де зараз її друзі? "У Польщі, - каже Даша. "І в Румунії, і в Лондоні, і в Чехії". У Хінделоопені вона подружилася з українською ровесницею, яка також перебувала у Штадшерберзі, але та повернулася до Києва разом з родиною.

Коротка тиша. Очі заплющені. "Дуже важко, - каже Жанна. Тому що насправді, звичайно, всі хочуть

повернутися. "Але кожен день у Харкові гинуть люди".

І ось, в розпал всіх цих поневірянь, Даші виповнилося 17 років. Жанна роками знала, що її донька відчайдушно хоче кота. Але вона замислилася, наскільки дорогим буде догляд за котом. І чи встигла б вона зараз, на бігу в Хінделупені, взяти кошеня.

Її сестра Марина заковувала очі. "Пфо! Я б цього не зробила", - каже вона. "Це божевілля." Але мимоволі вона все ж таки заливається сміхом, бо Ліза вже знову грається з Дашиними шнурками.

Вона така відкрита, така допитлива, така щаслива, така грайлива, - розповідає Жанна про маленьку руденьку. І тепер, коли котик тут, а у Даші світиться обличчя, як тільки вона бачить

Лізу, всі тривоги раптом відходять на другий план. "Можливо, люди досі думають, що це моє ідіотське рішення", - розмірковує Жанна. "Але це добре. Я більше не переживаю з цього приводу. Ліза - частина родини. Я не могла прийняти кращого рішення".

Після деяких роздумів: "Знаєте, раптом до мене прийшло усвідомлення, що треба перестати чекати. Треба жити. І поява Лізи - це початок".

У двомісній кімнаті в Хінделупені, де вона живе з Жанною, стоїть котячий будиночок, на підлозі розкидані котячі іграшки, а у великій кімнаті внизу, куди її також пускають, Ліза незмінно краде шоу.

Вона робить всіх щасливими. Навіть батько Даші в Україні. "Ні, він ніколи не хотів кота, - каже

Даша з подарунком на день народження. "Божевільна", - думає тітка. "Я не могла прийняти кращого рішення", - каже її мати.

Жанна. "Але перед тим, як ми зв'язали себе узами шлюбу, він сказав: "Можливо, це останній подарунок, який я можу зробити Даші".

Сльози. З усіма. А Ліза грає. Вона бігає по кімнаті, нахабно задерши хвіст. "Ой, подивіться, - вигукує Жанна. Донька підхоплює малу на руки і цілує її. "Вона така крихітна, - розповідає про кошеня Жанна.

"Крихітний. Але вона продовжує втягувати нас у момент. І колись вона повернеться з нами, нашим сувеніром".

Віра (5 років) плаче, коли заходить до дитячого садка

але, на щастя, у неї є вихователька Тінеке

Співають птахи, площа порожня і вдалині з'являється Віра (5 років). Вона йде за руку з матір'ю, з опущеними очима, вузькими плечима і тремтячою нижньою губою.

Віра - єдиний український малюк у класі Тінеке Блом та Анке Клустерман. Старші діти зі Стадсбоердері ходять до школи в Кудумі або Снеку, але Віра - наймолодша. З квітня вона навчається у початковій школі De Skulpe у місті Хінделоопен.

Все буде добре, люба, - каже вчителька Тінеке, підводячи Віру до шафи з пазлами. Дівчинка благально простягає руки. Її очі втупилися в очі матері. Спочатку гнівний, потім розпачливий, потім сповнений скорботи з іскристими сльозами, що бризкали на стільницю.

Але час робить свою справу. Однокласник притискається до вчительки і показує рану. Ти впав? Ой, як муха вкусила! - зауважує Тінеке.

Віра відсуває стілець і шукає новий пазл, її рот все ще злегка

скривлений сумом, але найгостріше вістря вже знято. "Допомогти тобі?" - запитує інший малюк, але Віра хитає головою. "Мммм ммм."

Вона все ще здебільшого користується мовою жестів, але Тінеке Блом переконана, що розуміє більше, ніж здається на перший погляд. Атмосфера в класі спокійна. Гомін дітей, що граються. Віра показує четвертий пазл, а інша дівчинка кладе голову на стіл і плаче. Вчителька Тінеке консультує. "О, Боже. У тебе що, немає з собою м'якої іграшки?"

Настав час для кола, і Віра отримала завдання "зробити день". Вона прикріплює на дошку жовтий день - понеділок. "Жовтий", - вигукує клас, українською - жовтий. Віра посміхається і киває. На її обличчі сяє гордість. "А який сьогодні місяць?", - запитує

вчителька. "Зараз березень?" "Ні", - каже веселий хлопчик. "Це вже було.

Учитель піднімає книжку з картинками. "Що ми завжди бачимо на обкладинці?" "Ну, як обкладинка називається, - вигукує одна дівчина, - і хто написав книгу". Віра сидить, склавши руки на колінах, і уважно слухає. Побачивши гусеницю, вона бурчить. "Гусениця - це гусениця", - знають інші діти, і коли кореспондент неправильно вимовляє слово, підказують, як це зробити. "Гусениця". Посмішка розпливається в куточках щік і рота Віри. Гусинь у книжці зустрічається з усіма видами тварин. Наприклад, слон. Діти тупотять ногами, і Віра теж.

Вона впорається, каже вчителька Тінеке. Так, Вірі завжди сумно, коли мама прощається з нею. Але незабаром вона все одно переходить до класу. Вона малює, складає

*Віра за пазлом.
"У тебе все буде добре,
дорогенька", - каже
вчителька Тінеке.*

пазли, грається і сміється, а коли вдається, вчителька фотографує її і надсилає фото мамі Віри.

"Що це?" - запитує одна дівчинка, коли Віра бере ручку і щось малює. "Це сонце? Віра хитає головою, ні, це не сонце. Це являко, яблуко. "О, яааа", - каже її білява подруга з Хінделопену. Звичайно.

Вчителька встає. "Що ми будемо робити, - вигукує вона, - так приємно вийти на вулицю!". Ііііі, - реве клас. "А пісочницю ми теж будемо відкривати?", - запитує вчителька. "Яаааааааааа!", - звучить захоплене "Яаааааааааа!".

Віра збирається ловити метеликів, половину розповідає мовою

жестів. А потім вона сідає на велосипед з подругою. Вчителька Тінеке фіксує цей момент на фото.

Вона знає, що це розриває серце, коли приводиш до школи глибоко засмучену дитину. І Вірі важко бачити, як мама відходить. За останні місяці малюкові вже довелося попрощатися з багатьма

людьми та речами в Україні. Є втрати, є купа турбот. Але нічого страшного, каже вчителька Тінеке.

Дивись. Віра мчить через шкільне подвір'я. Вона ховається за спиною своєї шкільної подруги і вона хихикає.

Vira (5 jaar) huilt tranen met tuiten als ze de kleuterklas binnenstapt maar gelukkig heeft ze juf Tineke

Vogels zingen, het plein is leeg en in de verte komt Vira (5) aan. Ze loopt aan de hand van haar moeder, met neergeslagen ogen, smalle schouderjes en een bibberende onderlip.

Vira is de enige Oekraïense kleuter in de klas van Tineke Blom en Anke Kloosterman. De oudere kinderen uit de Stadsboerderij gaan met z'n allen in Koudum of in Sneek naar school maar Vira is de jongste. Sinds april zit ze op basisschool De Skulpe in Hindeloopen.

"Het komt wel goed met je lieverd", zegt juf Tineke terwijl ze Vira meeneemt naar een kast met puzzels. Het meisje strekt smekend haar handen uit. Haar ogen boren zich in die van haar moeder. Eerst boos, dan wanhopig en daarna vol verdriet met flonkerende tranen die uiteenspaten op het tafelblad.

Maar de tijd doet zijn werk. Een klasgenootje nestelt zich tegen juf aan en laat een wondje zien. "Ben je gevallen? Och, het is een prik van een vlieg!", ziet Tineke. Vira schuift haar stoel opzij en zoekt een nieuwe puzzel, haar mond staat nog steeds een beetje op verdriet maar de scherpste rand is eraf. "Moet ik je helpen?", vraagt een andere kleuter, maar Vira schudt haar hoofd. "Mmmm mmmm."

Ze bedient zich nog vooral van gebarentaal maar Tineke Blom is ervan overtuigd dat ze meer verstaat dan je op het eerste gezicht denkt. De sfeer in de klas is sereen.

Gemurmel van spelende kinderen. Vira laat haar vierde puzzel zien, en een ander meisje legt haar hoofd op een tafeltje en begint te huilen. Juf Tineke troost. "Och, hè toch. Heb jij je knuffeltje niet bij je?"

Het is tijd voor de kring en Vira mag 'de dag doen'. Ze plakt de gele dag, de maandag, op het bord. "Zhovtyy", roept de klas, Oekraïens voor geel.

'Och, hè toch. Heb jij je knuffeltje niet bij je?'

Vira achter een puzzel. "Het komt wel goed met je lieverd", zegt juf Tineke.

Vira glimlacht en knikt. Op haar gezicht schemert trots. "En wat voor maand is het?", wil juf weten. "Is het maart?" "Nee", zegt een parmantig jongetje. "Dat is al geweest."

Juf houdt een prentenboek omhoog. "Wat zien wij altijd op de voorkant?" "Nou hoe de kaft heet", roept een meisje, "en wie het boek heeft geschreven".

Vira zit met haar handen in haar schoot aandachtig te luisteren.

Ze ziet een husenytsya, murmelt ze. "Een husenytsya, is een rups", weten de andere kinderen en als de verslaggever het woord verkeerd uitspreekt doen ze voor hoe het wel moet. "Hoe-se-niet-sja." Een glimlach strijkt langs de wangen en mondhoeken van Vira.

De rups uit het boek ontmoet allerlei dieren. Een olifant bijvoorbeeld. De kinderen stampen en Vira ook.

Ze komt er wel, zegt juf Tineke. Ja, Vira is altijd verdrietig als haar moeder afscheid neemt. Maar algauw steekt ze toch over naar de klas. Ze tekent, puzzelt, speelt en lacht en als het even kan maakt juf er een foto van die ze naar de moeder van Vira stuurt.

"Wat is dat?", vraagt een meisje als Vira een pen pakt en iets tekent. "Is het een sontse?" Vira schudt haar hoofd, nee het is geen zon. Het is een yavlako, een appel. "O jaaaaa", zegt haar blonde Hindelooper vriendinnetje. "Tuurlijk."

Juf staat op. "Wat wij gaan doen!", roept ze, "is zo lekker naar buiten!"

Yeeeeeh, brult de klas. "En gaan we ook de zandbak opendoen?", vraagt juf. "Jaaaaa", klinkt het opgetogen.

Vira gaat vlinders vangen, vertelt ze half in gebarentaal. En daarna zit ze met een vriendin op een fiets. Juf Tineke vangt het moment in een foto.

Het is hartstikke moeilijk, weet ze, om een diep verdrietig kind naar school te brengen. En het is moeilijk voor Vira om haar moeder weg te zien gaan. De afgelopen maanden heeft de kleuter al van zoveel mensen en dingen in Oekraïne afscheid moeten nemen. Er is verlies, er zijn stapels zorgen. Maar het is goed zo, zegt juf Tineke. Kijk maar. Vira rijdt met een vaart over het schoolplein. Ze zit verscholen achter de rug van haar schoolvriendin. En ze giechelt.

Dat ene telefoontje:

‘Hoi Miriam, we gaan Oekraïners opvangen, zorg jij dat de boel gaat lopen?’

*Miriam van der Meer
voor Slot Hylpen:
“Wat er is gebeurd?
Nou. Veel.”*

De maanden vliegen voorbij. Vraag aan Miriam van der Meer van Slot Hylpen wat er allemaal is gebeurd en ze stukt even. Nou veel.

Zaterdagochtend 19 maart stapten de eerste Oekraïense vluchtelingen in Hindeloopen uit een bus maar daar ging een zesdaagse wervelstorm aan vooraf. En alles begon met de telefoon van Miriam die rinkelde.

“Ik heb besloten dat ik De Stadsboerderij ter beschikking stel aan Oekraïense vluchtelingen”, zei haar stiefvader Marius Touwen. “Zorg jij dat de boel gaat lopen?”

Miriam zit aan tafel in de eetkamer van het oude gemeentehuis, een riant vakantieverblijf, dat ze voor haar stiefvader beheert. Straks komen er nieuwe gasten. Ze heeft net de handdoeken die vers van de wasserij komen opnieuw opgevouwen, zodat ze luxe en knisper-wit met de letters ‘Slot Hylpen’ boven op de bedden liggen.

“Zorg jij dat alles gaat lopen?” De woorden van Marius stuiterden door haar hoofd. “Ik dacht: Hoe pak ik dat aan?”

Miriam besloot om Tineke Blom te bellen, de overbuurvrouw van Slot Hylpen en onderwijzeres van plaatselijke basisschool De Skulpe. Daarna begon een soort Zwaan Kleef Aan.

Miriam kreeg namen en belde in een ruk door Durk van Tuinen van Plaatselijk Belang, Jappe Zweed van de IJscclub Hielpen en Age Amsterdam van Voetbalvereniging SV Hielpen, die op hun beurt ook weer gingen telefoneren en appen.

De volgende avond al vond ze zichzelf terug in gemeenschapscentrum De Foeke met vertegenwoordigers van alle verenigingen in het stadje.

“Het coolste vond ik; ze spraken allemaal Hylpers met elkaar. ‘Komt goo’, zeiden ze. Komt goed.” Schaterlach: “En ik gelóófdde het ook.” Dinsdag werd er een informatieavond voor alle inwoners gehouden en op woensdag schoot de stad in actie. De vrijwilligers van de Koninklijke Nederlandse Redding Maatschappij regelden zwemvesten voor de kinderen en zetten ladders in het water, want waren die kleintjes eigenlijk wel water gewend?

Anderen bouwden het hotel om. Er werd gepoetst, geklust en ingezameld en in de mailbox van het oude gemeentehuis vond Miriam berichtjes van mensen die schreven: ‘Hoi Slot, we willen helpen.’

Zes dagen nadat ze verbluft met haar telefoon in haar handen zat, stopte een bus met vluchtelingen voor De Stadsboerderij waar een klein team met kennis van zorg en trauma’s klaarstond om de groep op te vangen. De tolken in de bus hadden alvast een brief gekregen waarin werd uitgelegd wat Hindeloopen eigenlijk voor plaats was.

Miriam zag hoe de veertig vrouwen, kinderen en een oudere man over de drempel van een andere wereld stapten. “Ze bewogen zich als een groep, als een soort zwerm, en ik vond ze er heel sterk en ook heel bedroefd uitzien.” Kinderen klampten zich aan hun moeders vast, maar er waren er ook een paar die meteen gingen

spelen met het speelgoed dat was klaargelegd. Een jongetje bouwde met lego een boerderijtje met koe-tjes, een hond en strak geparkeerde autootjes langs het hek.

En nu? Veel vrouwen werken, zegt Miriam, de kinderen gaan naar school en er is een bel bij de voordeur gemaakt omdat De Stadsboerderij niet meer een openbare plek maar een huis is.

“Wat ik heel mooi vond”, zegt Marius die even binnenkomt. “is dat de vrouwen meteen de eerste ochtend zelf naar de kerk in Hindeloopen gingen om te bidden.” Miriam: “De kerk had zich al op hun komst voorbereid. Hindeloopen heeft zich zo door-dacht en saamhorig en met respect voor de vluchtelingen voorbereid.” Bescheiden: “Ik ben maar een heel klein schakeltje hoor.”

Het moeilijkste van alles? “Dat is toch het verdriet. Wij zaten hier allemaal in de flow van: We gaan helpen. Maar de vrouwen komen uit de oorlog, die hebben het verschrikkelijk zwaar en dat raakt me. Ik moest er wel eens van huilen en dan voelde ik me daar meteen weer ongemakkelijk over omdat ik alles heb. Het is net als soms op een begrafenis, dat je denkt: Niet huilen, niet huilen, het gaat niet om jou en bovendien heeft niemand er iets aan.”

Korte stilte. “Soms denk ik aan later. Misschien als de oorlog voorbij is komen de families ooit nog eens terug, maar dan op vakantie.” Dat zou zo anders, zoveel lichter zijn. “En misschien kunnen we dan samen herinneringen ophalen.”

Жанна Кравченко:
"Північний вітер у
Гінделупені нагадує
мені бути сильною"

**Жанна бачила, як
перелякані українські
дівчата та жінки в
Гінделупені ставали
дедалі сильнішими**

Коли її дім був лише її домом, і вона ще мала все, Жанна Кравченко (48 років) з Харкова у вільний час писала вірші, але після того, як їй довелося тікати від російських атак, цей потік слів припинився.

"Жанна дуже любила писати вірші, слова просто текли на папір. Вона ледве встигала записувати свої думки ручкою", - розповіла кілька тижнів тому її сестра Марина.

Але після того, як через п'ять днів після початку війни Жанна покинула все і після довгої виснажливої подорожі прибилася до Гінделоопена, вона вже не змогла цього зробити. Її голова була наче під замком. "Можливо, мій розум заблокований", - сказала вона собі.

Тим не менш, вона написала статтю для цієї газети минулого місяця. "А спробувати ще раз не можна?", - запитали ми. Жанна завагалася. Думками вона з чоловіком та сином в Україні, на її телефон щодня надходять повідомлення про бомбардування, втрати та руйнування. "Як я можу писати?"

Але вона це зробила. І ось результат - лист до гінделупців, читачів і кореспондента газети, яким ми поки що завершуємо цей цикл.

"Прощавай журналіст, всередині якого горить вогонь. Іскри її я бачила у загадкових голландських буквах на тонких сторінках, у твоїх записах у блокноті,

які відбивалися в таємничих голландських буквах. Я побачив вогонь і замислився, коли ви мене запитали: "На що ви спираєтеся, з чого черпаєте підтримку? Що вас надихає?"

"Відповідь незабаром стала для мене зрозумілою. "Люди", - подумав я. Я відчуваю підтримку людей".

"Голландців та українців доля звела у Хінделоопені, фантастичному містечку, сповненому традицій та любові до свободи, де віє гордий північний вітер".

"Наскільки ми різні і наскільки ми схожі. Історія навчила українців та голландців пишатися своїм минулим, а наша любов до свободи, мабуть, закладена в генетичному коді наших предків".
"Любов до свободи хінделуперів відображається у їхній відкритості та неймовірній майстерності. Ніби народжені не для того, щоб ходити, а щоб літати в поривах величного північного вітру".

"Наша спільна любов до свободи - це наша стійкість. А північний вітер у Хінделупені нагадує нам, що ми сильні, що в нас живе невичерпне джерело віри, надії і любові до буття".

"У Хінделупені ми не лише знайшли тимчасовий притулок, але й стали сильнішими. Стійкість і єдність нашої великої і водночас маленької української родини була для мене величезною підтримкою з першого дня мого перебування тут".

"Я бачив, як перелякані дівчата і жінки ставали сильнішими. Ніхто з них не впав у відчай. Всі допомагали один одному, всім було чим захоплюватися і чим пишатися".

*"Я відчуваю.
підтримується людьми"*

Zhanna Kravchenko:
“De noordenwind in
Hindeloopen herinnert
me eraan dat ik sterk
moet zijn.”

A photograph of Zhanna Kravchenko sitting on a rocky shore next to a body of water. She is wearing a dark jacket and pants. In the background, there are sailboats on the water and a clear sky.

Zhanna zag hoe bange Oekraïense meisjes en vrouwen in Hindeloopen steeds een beetje sterker werden

Toen haar huis nog gewoon haar huis was, en ze alles nog had schreef Zhanna Kravchenko (48) uit Charkov in haar vrije tijd poëzie, maar nadat ze moest vluchten voor de Russische aanvallen stakte die woordenstroom.

“Zhanna dichtte graag, de woorden vloeiden gewoon op het papier. Ze had bijna moeite om met haar pen haar gedachten bij te houden”, zei haar zus Maryna een paar weken geleden.

Maar nadat Zhanna vijf dagen na het uitbreken van de oorlog alles achterliet en na een lange uitputtende reis in Hindeloopen aanspoelde lukte het niet meer. Het was alsof haar hoofd op slot zat. “Misschien is mijn geest geblokkeerd”, zei ze er zelf over.

Toch schreef ze vorige maand een stuk voor deze krant. “Kun je het niet nog eens proberen?”, vroegen we. Zhanna aarzelde. Haar gedachten zijn bij haar man en zoon in Oekraïne, op haar telefoon krijgt ze iedere dag berichten over bombardementen, verlies en vernietiging binnen. “Hoe kan ik schrijven?”

Maar ze deed het. En dit is het resultaat, een brief aan de Hindeloopers, de lezers en de verslaggever van de krant, waarmee we deze serie voorlopig afsluiten.

“Dag journalist, waarbinnen een vuur brandt. Vonken daarvan zag ik terug in mysterieuze Nederlandse letters op dunne bladzijden, in jouw

aantekeningen in een notitieboekje. Ik zag het vuur en ik dacht na toen je me vroeg: ‘Waar trek je je aan op, waar ontleen je steun aan? Waar raak je door geïnspireerd?’

“Het antwoord werd me al gauw duidelijk. ‘Mensen’, dacht ik. Ik voel me gesteund door mensen.”

“Nederlanders en Oekraïners zijn door het lot samengebracht in Hindeloopen, een fantastische stad vol tradities en vrijheidsliefde waar een trotse noordenwind waait.”

“Hoe verschillend zijn we en hoe vergelijkbaar zijn we. De geschiedenis leerde Oekraïners en Nederlanders om trots te zijn op ons verleden en onze liefde voor vrijheid ligt waarschijnlijk besloten in de genetische code van onze voorouders.”

“De vrijheidsliefde van de Hindeloopers komt tot uiting in hun openheid en hun ongelooflijke vakkundigheid. Alsof ze niet geboren zijn om te lopen maar om te vliegen in de vlagen van de majestueuze noordenwind.”

“Onze gezamenlijke liefde voor vrijheid is onze veerkracht. En de noordenwind in Hindeloopen herinnert ons eraan dat we sterk zijn, dat in ons een onuitputtelijke bron van geloof, hoop en liefde voor het bestaan leeft.”

“We hebben in Hindeloopen niet alleen tijdelijk onderdak gevonden, we zijn er ook sterker geworden. De veerkracht en eenheid van onze grote en tegelijkertijd kleine Oekraïense familie is een enorme steun voor me, al vanaf de eerste dag dat ik hier was.”

“Ik zag hoe bange meisjes en vrouwen sterker werden. Geen van hen raakte verscheurd door wanhoop. Iedereen hielp elkaar, iedereen had iets om te bewonderen en om trots op te zijn.”

*‘Ik voel me
gesteund door mensen’*

De Ukraine Run blijft stand-by

In de vroege ochtend van 19 maart 2022 arriveerde een grote bus in Hindeloopen. Aan boord een groep Oekraïense vluchtelingen, die is opgehaald door organisatie Ukraine Run. Jan-Willem Scheijgrond vertelt hoe deze organisatie in een paar dagen tijd door een vriendengroep is opgericht en in actie kwam.

“Na de vreselijke beelden die we allemaal hadden gezien van voornamelijk de vluchtelingen die de Poolse grens over kwamen, wilde mijn vriend Patrick van Rossum tot actie overgaan. Zijn beste vriend Diederik Schneemann werkte met veel Oekraïners via zijn bedrijf en had honderden programmeurs in Kiev. Hij wilde een begin maken door een aantal van hen tegemoet te rijden en op te halen aan de grens.

Maar liefst drie dagen na het uitbreken van de oorlog belde Patrick mij en een paar andere vrienden met het verzoek een personenbusje naar de grens te rijden. Ik kon die dagen niet, maar beloofde steun te bieden op afstand, omdat ik vanuit mijn werk veel contacten had met de Oekraïense, Poolse en Nederlandse ambassades.

Patrick vertrok de eerste keer met vier busjes om ongeveer vijftientig mensen op te halen. Meteen na terugkomst ging hij weer. Steeds met meer personenbusjes. Tot we na een week al besloten over te stappen op grote bussen, vanwege de enorme vluchtelingenstroom. Dat is het moment waarop ik via Patrick, met Ariëlla Kornmehl in contact kwam. Ariëlla bood een klein hotel aan van haar bevriende collega Marius Touwen in Hindeloopen. Zij kregen onmiddellijk vluchtelingen van de eerste touringcar die we hadden georganiseerd.”

“Patrick merkte op weg naar de grens dat het moeilijk was om contact te maken met Oekraïense vluchtelingen en af te spreken in de chaos aan de grens. Velen van hen durfden niet en begrepen ons niet. De mensen waren uitgeput aangezien ze vaak al dagen onderweg waren om het

grensgebied te bereiken. Weer anderen stonden in grote rijen bij andere grensovergangen. Ik belde met de Oekraïense ambassade in België, Nederland, Warschau en uiteindelijk het consulaat in Krakau. Zij hadden ook geen zicht op de vluchtelingenstromen. Wat ze wel wisten, is dat naar de grens rijden ontmoedigd werd. Er was het risico dat we als mensensmokkelaars aangemerkt zouden worden. Het consulaat adviseerde ons om naar het centraal station in Krakau te gaan. Daar kwamen op spoor 4 alle treinen van over de grens aan.

“De samenwerking met Hindeloopen en De Stadsboerderij heb ik als enorm warm, genereus en positief ervaren.”

Dat kwam ik allemaal te weten terwijl Patrick op weg was naar de grens tijdens zijn eerste rit, zijn eerste Ukraine Run. Toen ik hem belde met deze informatie was hij nog maar 20 km van Krakau verwijderd. We besloten drie busjes naar Krakau te sturen en eentje naar Rzeszow. Sindsdien reden we voornamelijk op Krakau. Later hebben we ook nog een paar keer op Leszno en Lublin gereden.”

“De samenwerking met Hindeloopen en De Stadsboerderij heb ik als enorm warm, genereus en positief ervaren. Het enthousiasme was er

meteen. Waar ik me natuurlijk zorgen over maakte, was of de gemeenschap wel zoveel vluchtelingen aan kon. Daarop hebben de vrijwilligers ter plaatse een inspraakavond georganiseerd met de inwoners van het stadje.

Toen daar enthousiast werd gereageerd, was het voor mij duidelijk dat we onze bus naar Hindeloopen konden sturen. Het aanbod dat de groep bij elkaar kon blijven, in een gemeenschap die hen verwelkomde en met de mogelijkheid van school en werk in de buurt en natuurlijk een commitment van Marius voor op zijn minst drie maanden, was fantastisch.”

“Team Hindelopen is enorm zelfredzaam. In het begin hebben we laptops geregeld voor de kinderen. We hebben nog steeds middelen beschikbaar en springen af en toe bij met advies en waar mogelijk hulp. Het is fijn om te horen dat de gemeenschap bij elkaar is gebleven, dat de kinderen Nederlands beginnen te spreken en naar school gaan en dat de meeste moeders werk hebben kunnen vinden en een aangename manier van samenwonen en samenwerken.

Nu de overheid de rol van opvang heeft overgenomen en er bijna geen vluchtelingen meer komen, staan we als Ukraine Run op een laag pitje. Af en toe helpen we vluchtelingen om weer terug te keren naar Oekraïne, of helpen we bijvoorbeeld bij moeilijk plaatsbare vluchtelingen zoals zieke mensen. Maar we staan nog op stand-by, zeker omdat het niet duidelijk is of de winter nog een nieuwe stroom vluchtelingen op gang gaat brengen.”

Ukraine Run остается в режиме ожидания

Ранним утром 19 марта 2022 года в Хинделоопен прибыл большой автобус. На борту находилась группа украинских беженцев, которых подобрала организация Ukraine Run. Ян-Виллем Шейгронд рассказывает, как эта организация была основана группой друзей и мобилизована за несколько дней.

“После ужасных кадров, которые мы все видели, когда беженцы пересекали польскую границу, мой друг Патрик ван Россум захотел принять меры. Его лучший друг Дидерик Шнеманн работал со многими украинцами через свою компанию и имел сотни программистов в Киеве. Он хотел начать с того, чтобы поехать на встречу с некоторыми из них и забрать их на границе.

Не менее чем через три дня после начала войны Патрик позвонил мне и еще нескольким друзьям и попросил их поехать на пассажирском фургоне к границе. Я не смог присутствовать в эти дни, но обещал оказать поддержку на расстоянии, так как у меня было много контактов с украинским, польским и голландским посольствами по работе.

В первый раз Патрик выехал с четырьмя автобусами, чтобы забрать около двадцати пяти человек. Сразу же после возвращения он снова отправился в путь. Всегда с большим количеством пассажирских микроавтобусов. Пока всего через неделю мы не решили перейти на большие автобусы из-за огромного наплыва беженцев. Именно тогда, через Патрика, я связалась с Ариэллой Корнмел. Ариэлла предложила небольшой отель от своего друга-коллеги Мариуса Тувена в Хинделоопене. Они сразу же приняли беженцев из первого туристического автобуса, который мы организовали”.

“По дороге к границе Патрик заметил, что в хаосе на границе трудно установить контакт с украинскими беженцами и встретиться с ними. Многие из них не

осмеливались и не понимали нас. Люди были измотаны, так как часто находились в пути в течение нескольких дней, чтобы добраться до пограничной зоны. Другие стояли в огромных очередях на других пограничных переходах. Я звонил в посольство Украины в Бельгии, Нидерландах, Варшаве и, наконец, в консульство в Кракове.

Они также не имели представления о потоках беженцев. Они знали, что ездить к границе не рекомендуется. Существовал риск, что нас классифицируют как контрабандистов. В консульстве нам посоветовали отправиться на главный железнодорожный вокзал Кракова. Туда, на 4-й путь, прибывали все поезда с противоположной стороны границы.

*“Сотрудничество с
Hindeloopen и The
City Farm было для
меня чрезвычайно
теплым”*

Я узнал обо всем этом, когда Патрик направлялся к границе на свою первую поездку, свой первый Ukraine Run. Когда я позвонил ему с этой информацией, он находился всего в 20 км от Кракова. Мы решили отправить три фургона в Краков и один в Жешув. С тех пор мы ездили в основном в Краков. Позже мы также несколько раз ездили в Лешно и Люблин”.

“Сотрудничество с Hindeloopen и The City Farm было для меня чрезвычайно теплым, щедрым и позитивным. Энтузиазм появился сразу же. Конечно, меня беспокоило то, сможет ли общество справиться с таким количеством беженцев. В связи с этим волонтеры на местах организовали вечер консультаций с жителями города. Когда был получен восторженный ответ, мне стало ясно, что мы можем отправить наш автобус в Хинделоопен. Предложение о том, что группа может остаться вместе, в сообществе, которое приветствует их, с возможностью учиться и работать поблизости, и, конечно, обязательства Мариуса по крайней мере на три месяца, было фантастическим”.

Команда “Хинделоопен” в значительной степени полагается на себя. Вначале мы организовали для детей ноутбуки. Мы по-прежнему располагаем ресурсами и время от времени помогаем советом и, по возможности, делом. Приятно слышать, что община осталась вместе, что дети начинают говорить на голландском языке и ходить в школу, и что большинство матерей смогли найти работу и приятный способ жить и работать вместе.

Теперь, когда правительство взяло на себя роль приюта и беженцев больше почти не прибывает, мы, как Ukraine Run, находимся на спаде. Иногда мы помогаем беженцам вернуться в Украину или оказываем помощь нуждающимся, например, больным людям. Но мы по-прежнему находимся в состоянии готовности, тем более что неясно, принесет ли зима новый приток беженцев”.

Nochlike krystdêgen en Gelókkig nijier

Щирі вітання зі святами та найкращі побажання на 2023 рік

Fijne feestdagen en de beste wensen voor 2023

Після допомоги у створенні та управлінні гостьовим будинком Slot Hylpen, Йорт та Міріам цього року прощаються, оскільки вони надовго вирушають у подорож Європою. Анке Бергер, яка вже деякий час працювала в Slot, візьме на себе керівництво разом з Ервіном Леманом та Яспером Тувенном. Бажаємо Анке, Ервіну та Джасперу багато позитиву та успіхів! Йорт і Міріам хотіли б подякувати всім хілперам з цього місця за їхню підтримку і співпрацю.

Дві тисячі двадцять другий рік став особливим для Slot Hylpen та Hotel de Stadsboerderij. За понад 220 років, що ці будівлі стоять у Хінделоопені, вони знали різних мешканців та функції. Так, протягом століть будівлі використовувалися як готель, ратуша, ферма, резиденція, чайний салон та галерея.

Те, що за тиждень "Хінделупери" перетворять міську ферму на тимчасовий притулок для групи українців, які перебувають у бігах, ніхто заздалегідь не міг собі уявити, але це стало міській фермі в нагоді. Якою б жахливою не була війна, було зворушливо побачити місто в дії. Те, що українцям дуже подвійно перебувати в Нідерландах, цілком зрозуміло. Давайте разом зробимо все можливе, щоб у 2023 році все було по-іншому, краще і мирніше!

Сердечні вітання,
Анке, Ервін, Джаспер, Маріус, Йорт і Міріам

Na het helpen opzetten en beheren van Slot Hylpen als gastenverblijf nemen Jort en Miriam dit jaar afscheid, omdat ze voor lange tijd op reis gaan door Europa. Anke Berger, die al langer voor het Slot werkt, neemt het beheer over samen met Erwin Lehmann en Jasper Touwen. We wensen Anke, Erwin en Jasper heel veel plezier en succes! En Jort en Miriam willen vanaf deze plaats graag alle Hylpers bedanken voor de steun en samenwerking.

Tweeduizendtweeëntwintig was een bijzonder jaar voor Slot Hylpen en Hotel de Stadsboerderij. In de ruim 220 jaar dat deze panden in Hindeloopen staan, kenden ze verschillende bewoners en functies. Zo waren de gebouwen door de eeuwen heen in gebruik als hotel, raadhuis, boerderij, woonhuis, theeschenkerij en galerie.

Dat de Stadsboerderij binnen een week door de Hindeloopers zou worden verbouwd tot een tijdelijk thuis voor een groep Oekraïners op de vlucht had niemand vooraf kunnen bedenken, maar het staat de Stadsboerderij goed. Zo afschuwelijk als de oorlog is, zo hartverwarmend was het om de stad in actie te zien. Dat het voor de Oekraïners heel dubbel is om in Nederland te zijn, is heel begrijpelijk. Laten we er samen het beste van maken en hopen dat het in 2023 anders, beter en meer vredig zal zijn!

Hartelijke groet,
Anke, Erwin, Jasper, Marius, Jort en Miriam

SLOT HYLPEN

Nieuwe Weide 1, 8713 JD Hindeloopen
info@slothylpen.nl — 06 41 775 727 — www.slothylpen.nl

God werkt op mysterieuze manieren en niemand kent zijn plan.
Ik zal nooit moe worden de woorden van het gebed te herhalen,
Maar ik begrijp nog steeds niet:
 Waarvoor? En waarom?
Waarvoor? Waarom sterven kinderen?
En waarom de weg van wanhoop en pijn.
En waarom heeft de weg van wanhoop en pijn ons naar vreemde steden geleid?
Ik zal nooit moe worden de woorden van het gebed te herhalen, maar Heer, vertel me:
 Waarom is oorlog nodig?
Waarom zijn onze families gebroken?
Waarom hebben ze onze harten leeggemaakt?
Er is maar één ding dat we nog steeds voelen,
We zijn vluchtelingen... in andermans mooie steden.

Vergeef ons, Hindelopen, dat we je schoonheid nu niet ten volle kunnen waarderen, de kracht van je steun niet ten volle kunnen voelen. Maar ik weet zeker, dat je altijd in ons hart zult blijven. Jouw geplaveide straten, grachten, bruggen, fontein en haven, waar de wind jouw grootsheid naar alle masten blaast. Dit alles zal in ons leven, waar we ook gaan.

Jij beschermt ons: vreemde, grappige en bange mensen. Jij, Hindelopen, weet niet hoe je verschilt van onze steden... Soms dachten we zelfs dat we in een fantasiewereld waren, maar geleidelijk aan kwamen we uit de gevoelloosheid en leerden we je kennen en deel te nemen aan je leven.

De tijd gaat voorbij en we missen het geluid van klompen, de vlagerige wind, prachtige zonsopgangen en zonsondergangen met alle kleuren van de wereld, en ze zijn zo helder, dat ze ons vertellen: "Leef, verspil je leven niet, laat elke dag vol zijn".

Ja, Hindelopen, je zult altijd in ons hart zijn en wij zullen altijd in je verhaal zijn.

— Zhanna Kravchenko

Пути господни неисповедимы
и план его неведом никому.
Я не устану повторять слова молитвы,
Но до сих пор не понимаю:
 За что? И почему?
За что? За что же погибают дети?
И почему дорога из отчаянья и боли
Нас привела в чужие города.
Я не устану повторять слова молитвы,
но Господи скажи:
 Зачем нужна война?
Зачем разбиты наши семьи?
Зачем опустошили нам сердца?
И лишь одно мы продолжаем чувствовать,
Мы-беженцы...в чужих красивых городах.

Прости Хинделоопен, что сейчас мы не можем в полной оценить твою красоту, полностью прочувствовать силу твоей поддержки. Но знаю точно, ты навсегда останешься в наших сердцах. Твои вымощенные брусчаткой улочки, твои каналы, мосты, фонтан и порт, где ветер трубит во все мачты о твоем величии. Все это будет жить в нас, где бы мы не оказались.

Ты приютил нас: странных, смешных, испуганных. Ты, Хинделоопен, даже не представляешь, как ты отличаешься от наших городов. Иногда, нам даже казалось, что мы попали в какую-то вымышленную реальность. Но постепенно выходя из оцепенения, мы начинали знакомиться с тобой, участвовать в твоей жизни. Ты приютил нас: странных, смешных, испуганных. Ты, Хинделоопен, даже не представляешь, как ты отличаешься от наших городов. Иногда, нам даже казалось, что мы попали в какую-то вымышленную реальность. Но постепенно выходя из оцепенения, мы начинали знакомиться с тобой, участвовать в твоей жизни. Пройдет время и мы будем скучать за стуком деревянных башмаков, за порывистым ветром, за невероятными рассветами и закатами, в которых собраны все краски мира. И они настолько яркие, словно кричат нам: "Живите, не оставляйте жизнь на потом, и пусть каждый день будет наполненным.

Да, Хинделоопен, ты навсегда останешься в наших сердцах, а мы в твоей истории.

— Жанна Кравченко

